

Н. П. Таньшина

par
vus
libellus

ЛЮДОВИК XIV ЗОЛОТАЯ КЛЕТКА ВЕРСАЛЯ

Н. П. Таньшина

ЛЮДОВИК XIV

Золотая клетка Версаля

2-е издание, электронное

Санкт-Петербург
2025

УДК 94(44).033

ББК 63.3(0)51

T18

Таньшина, Наталия Петровна.

T18 Людовик XIV. Золотая клетка Версаля / Н. П. Таньшина. — 2-е изд., эл. — 1 файл pdf : 192 с. — Санкт-Петербург : Евразия, 2025. — (Parvus libellus). — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10". — Текст : электронный.

ISBN 978-5-8071-0775-6

Людовик XIV, вершивший судьбы самого населенного, богатого и могущественного государства в Европе, наряду с Наполеоном Бонапартом и Шарлем де Голлем неизменно входит в тройку лидеров французского Пантеона национальной памяти, являясь вместе с ними одним из самых неоднозначных героев французской истории. Его царствование продолжалось семьдесят два года, а личное правление после смерти кардинала Мазарини — пятьдесят четыре года и вошло в историю под названием Золотой век, Век Людовика XIV или даже Великий век, а сам он — как Король-Солнце и Людовик XIV Великий. Ему удалось распространить на всю Европу исключительное влияние французской культуры и цивилизации, а его главным творением стал Версаль — сердце Франции, символ величия королевской власти и человеческого гения. Там король жил, выставленный на всеобщее обозрение, как человек под стеклянным колпаком, доступный взорам всех своих подданных. Но Версаль — это и предостережение: однажды дворец может превратиться в клетку, пусть и золотую...

УДК 94(44).033

ББК 63.3(0)51

Электронное издание на основе печатного издания: Людовик XIV. Золотая клетка Версаля / Н. П. Таньшина. — Санкт-Петербург : Евразия, 2022. — 192 с. — (Parvus libellus). — ISBN 978-5-8071-0571-4. — Текст : непосредственный.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-8071-0775-6

© Таньшина Н. П., 2021

© Юрченко К. А., дизайн обложки, 2022

© Оформление, ООО «Издательство
«Евразия», 2022

Богоданный младенец

В воскресенье, 5 сентября 1638 года ближе к полудню в новом элегантном дворце Сен-Жермен-ан-Ле, что в нескольких лье к западу от Парижа, родился царственный младенец, по легенде, с двумя зубиками во рту. В этом усмотрели счастливое предзнаменование, чему радовался весь двор. И радоваться было отчего: на протяжении двадцати двух лет брак французского короля Людовика XIII (1610–1643) и испанской инфанты Анны Австрийской был бездетным и, казалось, останется таким и впредь. Поэтому современники встретили известие о появлении на свет долгожданного наследника, будущего короля Людовика XIV, изъявлениями живой радости. Простой народ видел в этом знак Божьей милости и называл новорожденного дофина «Богоданным» (*Louis-Dieudonné*). По правилам этикета королевского двора официальные обязанности наследника престола начались сразу после рождения. Уже 6 сентября Людовик давал аудиенцию. Делегации Парижского парламента, главного суда, и других судов были приняты в тот день

Людовиком XIII и передали королю пожелания счастья от своих корпораций. Эти делегации были также допущены в покои наследника престола.

Сохранилось не так много сведений о раннем детстве будущего короля. Едва ли он хорошо помнил своего отца, скончавшегося в 1643 году, когда мальчику было всего пять лет. Мнения историков относительно взаимоотношений отца и сына разнятся. Одни считают, что, возможно, он боялся этого, говоря словами Александра Дюма, «гордого и робкого, мужественного как герой и нерешительного как дитя» человека, который никогда не играл с сыном и так редко с ним виделся, что мальчик воспринимал его как чужого человека. Другие же полагают, что представления о «нерадостном детстве» будущего короля являются лишь легендой. Например, автор биографии Людовика XIV Франсуа Блюш писал: «Людовик XIII гордился своим старшим сыном и ревновал, если малыш вдруг устремлялся сначала к королеве. Ребенок любил его, и отец был очень чувствителен к малейшему проявлению внимания со стороны сына». Как бы то ни было, но на протяжении своей жизни Людовик редко упоминал об отце, хотя факт остается фактом: во время строительства грандиозной резиденции в Версале он, несмотря на возражения архитекторов, настоял на сохранении маленького охотничьего домика умершего короля и сделал это здание центром

ансамбля. Находясь на смертном одре, Людовик XIV повелел похоронить свое сердце у иезуитов на улице Сент-Антуан, рядом с сердцем своего отца.

Неизвестно, чувствовал ли маленький дофин напряженные отношения между своими родителями, улучшившиеся лишь на короткое время после рождения его и брата Филиппа, герцога Анжуйского¹. Он любил мать, влияние которой на сына было очень сильным на протяжении всей ее жизни. По словам известного сказочника Шарля Перро, главного советника Людовика XIV в области культуры, «не было сына, который выказал бы большее почтение своей матери за всю свою жизнь». При случае маленький Людовик называл свою мать не «*мадам*», как это было принято в его окружении, а «*маман*» — матушка. Именно от матери он унаследовал такие качества, как умение держать данное слово, отвращение к греху и богохульству. Однако Анна Австрийская воспитала дофина, не обуздывая его самолюбия, склонности к господству и его воистину королевской надменности.

Праздничные крестины состоялись в Сен-Жермен-ан-Ле 21 апреля 1643 года. Умиравший король назвал крестных родителей. Ими

---

¹ Брат короля именовался Месье, а в 1660 году, после смерти его дяди Гастона, Филипп Анжуйский унаследовал его титул и именовался герцогом Орлеанским.

стали Шарлотта-Маргарита де Монморанси и кардинал Джулио Мазарини. Решение короля имело далеко идущие последствия не только для дофина, но и для всей Франции.

Итак, с 14 мая 1643 года, после смерти Людовика XIII, пятилетний Людовик XIV — король Франции и Наварры. Несмотря на то, что он — ребенок, он воплощает в себе короля, он дитя и король одновременно. Уже в семилетнем возрасте он присутствовал на заседании парламента, демонстрируя уверенность взрослого, а в восемь лет по совету Мазарини отправился с матерью осматривать границу.

Но поскольку ребенок вряд ли мог реально управлять государством, правительницей Франции считалась вдовствующая королева Анна. Она была высококультурной дамой, лучше других королев Европы содержала двор и вызывала самое искреннее восхищение сына. Воспитанная при чопорном испанском дворе, она и от мальчика добивалась преклонения перед этикетом и стремилась воспитать его набожным.

Анна Австрийская была слишком пассивной или чересчур умной, чтобы заниматься политикой. Поэтому бразды правления она передала натурализованному итальянцу кардиналу Джулио Мазарини (1602–1661).

Эпоха Армана Жана дю Плесси, герцога де Ришелье, всемогущего кардинала Людовика XIII, скончавшегося за год до смерти короля, сменилась эпохой кардинала Мазарини,

управлявшего Францией до 1661 года. Непопулярность нового правителя Франции была редкой даже для государственного деятеля иностранного происхождения. И аристократы, и простолюдины презирали итальянца, осуждая его лицемерие, вероломство и ненасытное стяжательство. Бесчисленные племянники и племянницы кардинала, Манчини и Буффалини, разбогатели и вступили в брак с именитыми французскими аристократами. Однако Мазарини пользовался могущественной поддержкой королевы, которая помогла ему выдержать испытания политической борьбой. Кардинал одержал победу над противниками и благодаря своим личным качествам — хладнокровию и умению путем переговоров добиваться компромиссов.

Вскоре после смерти Людовика XIII вдовствующая королева оставила Лувр и переселилась в бывший дворец кардинала Ришелье, переименованный в Пале-Рояль. Здесь юный король провел свое детство. Его главным наставником стал Мазарини, которому Анна Австрийская в 1646 году передала верховный надзор за воспитанием сына, назначив его на должность сюринтенданта при особе короля.

Детство Людовика прошло в очень простой обстановке: кардинал, один из богатейших людей Франции, был очень скуп и почти совсем не заботился о доставлении удовольствий ребенку-королю, лишал его не только игр и забав, но даже предметов первой

необходимости: мальчик получал всего две пары платья в год и был вынужден ходить в заплатах, а на его простынях якобы замечали огромные дыры.

Воспитание короля было доверено Ардуэну де Бомону де Перефиксу, настоятелю монастыря в Бомоне, позже ставшему епископом. Перефикс контролировал маленькую группу преподавателей специальных дисциплин: письма, счета, латыни, испанского языка, рисунка и ораторского искусства.

Однако основная заслуга в воспитании Людовика принадлежала Мазарини. Именно кардинал, прошедший жесткую школу Ватикана и в совершенстве владевший искусством интриги, преподавал юному Людовику «ремесло короля». Он учил юношу методам ведения государственных дел и дипломатических переговоров, уделяя большое внимание урокам политической психологии. Именно Мазарини привил своему ученику вкус к скрытности, а также воспитал у него страсть к славе и веру в собственную непогрешимость. Впоследствии это привело к тому, что Людовик потерял чувство меры, вступил в противоречие со здравым смыслом, с реальными фактами и событиями политической жизни. Вместе с тем в нем развилась и такая отрицательная черта характера, как злопамятность: он никогда не забывал измен, не прощал вольных и невольных оскорблений.

Достаточно рано, в духе тогдашней традиции, началось военное воспитание короля.

В двадцать лет он проводил много времени в войсках, следил за операциями, вел переговоры с генералами, обсуждал с ними планы боевых действий.

В целом об образовании Людовика сохранились весьма противоречивые сведения. Сам он в семидесятилетнем возрасте жаловался в беседах со своей фавориткой мадам де Ментенон на недостаточность знаний, полученных в детстве. Возможно, Людовик был слишком строг в своих суждениях либо говорил об этом не без доли кокетства. Мазарини не напрасно требовал от Перефикса начать очень рано занятия латынью, заставляя Людовика изучать написанные тексты, так что его знание латыни было на весьма высоком уровне: в тринадцать лет король уже переводил некоторые главы из «Записок о галльской войне Цезаря», и в целом латинским языком занимался почти всю свою жизнь (хотя есть свидетельства, что послания папы, написанные по латыни, Людовик прочесть не мог, и ему готовили переводы). Весьма неоднозначны также суждения о подготовке юного короля в области истории, государственного и церковного права.

Скорее всего, дело было не в «беспорядочности» образования, как утверждал в своих многотомных «Мемуарах» современник событий герцог Сен-Симон, долгое время живший при дворе, а в том, что беспорядочностью отличался сам ученик. Людовик был не слишком усидчив и отдавал предпочтение

игре на лютне, клавесине, гитаре и даже научился играть на старинном музыкальном инструменте — спинете. Мазарини развил художественный вкус своего крестника, стараясь сделать из обычного коллекционера настоящего ценителя искусства. Людовику нравились упражнения на свежем воздухе, прогулки, он обожал танцы и почти до тридцати лет уделял им до двух часов своих ежедневных занятий. Кроме того, Людовик от природы был одарен здравым смыслом, замечательной способностью понимать суть вещей и твердой решимостью поддерживать свое королевское достоинство. Он обладал очень важным для короля умением выражаться кратко, но ясно и говорить не более и не менее того, что было нужно. К тому же пробелы в обучении компенсировались тем, что юный король постоянно находился в гуще внутривластных процессов и событий, дополнявших его школьное образование непосредственным опытом.

Как бы то ни было, король высоко ценил «школу Мазарини», медленно, но тщательно подготавливавшего его к управлению государственными делами. Со своей стороны Мазарини весьма скоро оказался доволен результатами своего ученика². Кардинал не

---

² Хотя есть и другое мнение. Как писал Александр Дюма, Мазарини старался оставить юного Людовика «в невежестве, чтобы самому быть ему необходимым».

расставался с молодым человеком до последних дней своей жизни. За два часа до смерти, 7 марта 1661 года, он долго беседовал с Людовиком, излагая ему свое политическое кредо: сохранить церкви ее права и привилегии; облегчить народу налоговое бремя; опираться на дворянство как на свою «правую руку», не допуская его к политической власти; держать судейское сословие «в границах его обязанностей».

Внешний облик Людовика XIV был весьма аванажным и в полной мере соответствовал его монаршему статусу. Король был очень хорош собой и особо гордился своими ногами, по его собственным словам, «самыми красивыми в королевстве». Что касается роста государя, то, удивительно, но тут мнения современников расходились: 165 см или 184 см³.

К сожалению, на живописных портретах Людовик XIV лишен привлекательности, вероятно, из-за парика, который везде выглядит неряшливо. Если хорошенько всмотреться в лицо, изображенное на портретах, то можно разглядеть в нем черты доброго и веселого человека. Но ни на одном портрете король не выглядит красивым. На отдельных

---

³ Возможно, дело было в высоких каблуках и высоком парике короля. Как писал А. Дюма, Людовик XIV «был отнюдь не великаном, но, придумав себе высокие каблуки и высокий парик, он казался выше других».

полотнах заметны его ярко выраженные восточные черты, но в многочисленных описаниях его внешности, сделанных, к примеру, венецианскими посланниками для своих правительств (а описание наружности государей всегда считалось важной информацией) или оставленных в письмах, дневниках и мемуарах, его экзотическую наружность никто не подчеркивал. Но все указывали на то, что король был высоким и смуглым, имел отличную фигуру, совершенной формы руки и ноги, небольшие, но яркие глаза, постоянно прищуренные, но хорошо замечавшие все, что творилось вокруг. Особого внимания заслуживает его нос: красивой формы, с тонкими и несколько приплюснутыми ноздрями. Все отмечали благородную осанку и необыкновенную грацию Людовика; он никогда не позволял себе необдуманных жестов, поэтому казался небожителем (или, как замечали некоторые, гениальным актером на сцене). Эти черты внешности короля нашли отражение в работе знаменитого итальянского мастера Джованни Лоренцо Бернини, изваявшего бюст Людовика XIV, ставшего впоследствии одним из величайших сокровищ Версаля. Это единственное изображение короля, совпадающее с современными ему описаниями внешности. Вероятно, таким и был Людовик на самом деле.

У Его Величества было отменное здоровье, редкое по тем трудным для жизни человека временам. Он стойко переносил не

только многочисленные болезни, опасные эксперименты своих врачей, но и испытания бесконечными развлечениями, балами и охотой. Светила медицинского факультета лечили Людовика XIV так, что только завидное здоровье удерживало его на этом свете. Об этом можно узнать из летописи его болезней. Записи вели с 1647 по 1711 годы трое знаменитых медиков: Антуан Валло, Антуан д'Акен и Ги-Крессан Фагон. Это уникальный случай столь продолжительных наблюдений в истории медицины. Для «лечения» короля врачи часто прибегали к обильному кровопусканию, вскрывая даже вены на лбу. Как средство от всех болезней — подагры, головных болей, бессонницы, несварения желудка и даже насморка — королю прописывали слабительное. Назначали лекарства с самыми невероятными ингредиентами: от растертой в порошок гадюки до лошадиного навоза. Отсюда и тяжелые болезни: нарушение пищеварения, воспалительные процессы в кишечнике, фурункулез, головокружения. Придворные медики были скорее мучителями, чем целителями, поэтому удивительно, как Людовик мог выдерживать поистине варварские методы лечения. Неслучайно Антуан Валло справедливо писал о «героическом здоровье короля».

Бедный Людовик XIV на протяжении почти всей жизни имел проблемы с зубами. Доктор Кабанес, задним числом определивший заболевание короля как челюстной синусит,

обогастил историю очень любопытными сведениями о королевском здоровье. Достаточно сказать, что к сорока годам во рту короля не оставалось ничего, кроме нескольких бесформенных корней. Ему пришлось удалить с левой стороны все верхние зубы, причем операция была сделана так неудачно, что всякий раз, когда он пил или полоскал рот, вода попадала ему в нос. Никакой возможности жевать, следовательно, у него не было, и он глотал пищу большими кусками, не пережевывая.

Но, потеряв зубы, Людовик, к несчастью, сохранял аппетит, с детства страдая булимией (неутолимый голодом, вызывавшим невероятный аппетит). Последняя фаворитка короля мадам де Ментенон призналась, что если бы съела хотя бы половину того, что съедал король, то через неделю умерла. Отсюда — приступы подагры, нарушение нормальной деятельности желудка, склонность к полнокровию, головокружения. Лишь во время Великого поста по причине «умеренности трапез» он знал некоторое облегчение. При вскрытии умершего Людовика выяснилось, что его желудок был огромен, а кишечник в два раза превышал обычные для человека размеры.

Каковы были личностные качества короля? Людовик XIV обладал противоречивым характером. Трудолюбие, решимость и твердость в осуществлении принятых решений сочетались с непоколебимым упрямством.

Король ценил людей талантливых и образованных, однако ближайших сотрудников подбирал, соблюдая одно непереносимое условие: они ни в чем не должны были затмевать короля, выбравшего в июне 1662 года своей эмблемой солнце. Страсть к славе и к увековечиванию собственной персоны была у него всепоглощающей. Для него были характерны необычайные самомнение и властолюбие, а также отсутствие чувства справедливости. Но вместе с тем Людовику XIV были присущи сдержанность, уравновешенность и вежливость. Например, король кланялся даже горничным. Правда, есть свидетельство, будто однажды он ударил палкой лакея, положившего на его глазах в карман сладости, приготовленные для придворных. Разумеется, после этого Его Величество немедленно направился к своему духовнику для покаяния.

Его врожденное величие и трудолюбие сочетались с самым беззастенчивым себялюбием. Ни один французский король не отличался такой гипертрофированной гордостью и эгоизмом, ни один европейский монарх так явно не превозносил себя над окружающими и не курил с таким наслаждением фиамом собственному величию. Это отчетливо проявлялось в его придворной и общественной жизни, в его внутренней и внешней политике, в страсти к строительству и любовных увлечениях. Эгоизм, точнее — эгоцентризм, был, пожалуй, главным качеством

Людовика XIV, основой его мировоззрения, жизни и деятельности, определяя каждый его поступок, от малого до великого. Герцог Сен-Симон так писал о нем: «Король никого не любит и не считается ни с кем, кроме себя самого, и сам для себя является последней целью существования». Эти слова подтверждают и свидетельства других современников. Например, будучи от природы холодным и весьма черствым человеком, вечно занятым собой, в день смерти своего брата Людовик насвистывал какую-то арию, требовал от придворных улыбок и радостного выражения лиц. Он испытывал теплые чувства к герцогине Бургундской, супруге своего внука, но заставлял ее, больную, вставать с постели и участвовать в придворных развлечениях. Хотя, как отмечал А. Дюма, король «не был лишен некоторой доброты или, лучше сказать, справедливости»⁴.

Еще одним качеством, свойственным королю, было лицемерие. Своего сына он принуждал к супружеской верности, считая ее желательной, но вместе с тем и невозможной по причине множества искушений, перед

---

⁴ Например, когда камердинер короля Бонтан, часто просивший за других, но никогда — за себя, пришел просить место придворного служителя для одного приезжего, то король якобы сказал ему: «Эх, Бонтан, неужели ты вечно будешь просить только для своего ближнего и никогда для самого себя? Я даю это место твоему сыну!»

которыми трудно устоять. Если обратиться к списку королевских фавориток, то он окажется весьма длинным, причем некоторые из них пребывали в этом «звании» долгие годы. Увлечение женской красотой, по мнению Людовика, не должно было сводить монарха с пути служения государственным интересам. К тому же, по его мнению, чем недоступнее и выше будет обожаемый государь, тем сильнее будут у осчастливленной женщины чувства любви и привязанности.

Иными словами, монарх был весьма далек от строгой христианской морали, однако компенсировал свои прегрешения религиозным рвением. За всю свою жизнь Людовик XIV лишь один раз пропустил мессу, да и то во время военного похода. Он усердно посещал церковь, редко нарушал посты, особенно Рождественский и Великий. В церкви вел себя благочестиво, исповедовался несколько раз в году, возложив на себя цепь ордена Святого духа и облачившись в мантию. Каялся — и снова грешил!

Пышные придворные нравы контрастировали с личной скромностью короля. В одежде он предпочитал различные оттенки неяркого коричневого цвета. Иногда вся отделка сводилась к одной золотой пуговице. Король носил суконный или атласный камзол. Драгоценностями были украшены лишь пряжки башмаков, подвязка и шляпа с испанскими кружевами и белым пером. По торжественным случаям, например, на свадьбы,

Людовик надевал под кафтан длинную голубую орденскую ленту с драгоценными камнями стоимостью 8–10 млн ливров.

Постоянного местопребывания длительного времени у Людовика не было. Король и его двор часто разъезжали, что было сопряжено с большими расходами. Обозы растягивались на километры. Из одного дворца в другой перевозили мебель, ковры, белье, светильники, столовую посуду, кухонную утварь. До переезда в Версаль король чаще всего жил в Париже. Город в те времена был грязным, с непереносимыми запахами. Летом людей одолевала жуткая пыль. Вдоль улиц текли зловонные ручьи. Повозки и кареты создавали в столице пробки. Бродяги и нищие составляли до семи процентов населения. Днем и ночью промышляли воры и убийцы.

Лувр тоже был непривлекательным. Эта старая крепость Филиппа Августа и Карла V, от которой сохранились две башни и толстые стены, представляла собой беспорядочное скопление сооружений, в значительной части ветхих или недостроенных, безвкусно расположенных. Двор Лувра был завален мусором; на месте колоннады находилась грязная улочка, спускавшаяся к Сене. По берегу реки Большая галерея соединяла Лувр с дворцом Тюильри. Внутри обоих зданий имелось несколько красивых помещений, но и они были темными и неудобными. Следовательно, вопрос о новом местопребывании короля был очевиден.

Существует мнение, будто Людовик XIV не любил Париж. Во всяком случае, у него был негативный опыт детства, а детские переживания, как известно, не проходят бесследно. На детство и отрочество Людовика пришлось бурные события гражданской войны, известной в истории Франции как Фронда (от франц. *fronde* — праща). Юный король столкнулся не только с предательством близких родственников, своих двоюродных братьев, различных герцогов и маршалов, но и с действиями мятежников. В ночь с 5 на 6 января 1649 года королевское семейство в сопровождении нескольких придворных бежало из охваченного восстанием Парижа в предместье столицы — Сен-Жермен-ан-Ле. Мазарини, против которого главным образом и было направлено недовольство, пришлось искать убежище еще дальше — в Брюсселе, а мятежники назначили за его голову награду в 50 тыс. ливров. В ночь с 9 на 10 февраля 1651 года король и регентша оказались фактически в заточении в собственном дворце. Поездка короля по Франции во время Фронды дала ему возможность увидеть хрупкость экономики, отягощенной войной, проблемы народа, задавленного поборами, и административную анархию. Этот опыт, полученный во время Фронды, сделал из ребенка взрослого. Он глубоко запал в память юного короля и выразился позднее не только в высказываниях, но и в ряде внутривнутриполитических мероприятий короля, железной рукой

искоренявшего всякое неповиновение и насаждавшего свою абсолютную власть.

На время Фронды пришлось и совершеннолетие Людовика. По государственному законодательству французские короли на четырнадцатом году жизни провозглашались совершеннолетними. Официальная церемония состоялась 7 сентября 1651 года во время заседания Парижского парламента, где принимали участие двор и многочисленные высокие гости. Этим закончилось регентство Анны Австрийской, существование регентского совета и функции Гастона Орлеанского, брата Людовика XIII.

Официальное объявление совершеннолетия Людовика XIV явилось поворотным пунктом в истории Фронды, поскольку акции, направленные против партии кардинала Мазарини, могли теперь караться как государственная измена или даже как преступление против Его Величества. В 1652 году с огромным трудом удалось восстановить внутренний мир. В последующие годы, вплоть до самой смерти, Мазарини твердо держал в своих руках бразды правления.

7 июня 1654 года в Реймском соборе состоялись торжественное помазание на царство и коронация Людовика XIV. Это событие стало апогеем в жизни молодого короля и имело огромное значение для всего королевства. Для народа это был символ окончания внутренней смуты, для короля — осуществление правового контракта, объединявшего

суверена с Богом, народом и главными лицами в стране. С этим сакральным актом были связаны древние поверья. Через два дня после коронации две тысячи больных золотухой ожидали короля в парке церкви Сен-Реми. Как и его предшественники, Людовик XIV касался больного, обращался к нему со словами: «Король к тебе прикасается, Господь исцеляет», — и наделял несчастного серебряной монетой. Эту изнуряющую церемонию Людовик XIV будет повторять несколько раз в году.

В ноябре 1659 года был подписан Пиренейский мир с Испанией, положивший конец многолетней войне между двумя королевствами. Договор был скреплен брачным союзом французского короля с его кузиной, 21-летней испанской инфантой Марией-Терезией Австрийской, дочерью Филиппа IV. В этом союзе родилось шестеро детей — три мальчика⁵ и три девочки. Этим браком Людовик XIV впервые продемонстрировал свои амбиции, отказавшись (правда, под нажимом Анны Австрийской и кардинала Мазарини) от своей возлюбленной Марии Манчини, племянницы кардинала, девушки не особенно красивой, но весьма умной и честолюбивой. Людовик всегда был повелителем своих фавориток, самого себя и Франции.

---

⁵ До взрослого возраста дожил только первенец, родившийся в ноябре 1661 года, которого стали называть Великий дофин (Grand Dauphin).

Начало самостоятельного правления Людовика XIV

Брак с Марией-Терезией оказался последним деянием всесильного Мазарини. В ночь с 8 на 9 марта 1661 года кардинал скончался, оставив огромное состояние размером около 50 млн ливров наличных денег, что по тогдашнему курсу соответствовало 70 тоннам серебра или 5 тоннам золота. Это было самое крупное состояние Франции в XVII веке, значительно превышавшее богатства кардинала Ришелье. До самой смерти, несмотря на то что король уже давно считался совершеннолетним, Мазарини оставался полноправным правителем государства, и Людовик послушно следовал его указаниям. Поэтому лишь очень немногие в это время имели представление о его истинном характере. Молодой король, которому только исполнилось двадцать два года, до той поры обращал на себя внимание лишь своей склонностью к щегольству и любовными интригами. Казалось, он создан исключительно для праздности и развлечений. Однако понадобилось совсем немного времени, чтобы убедиться в обратном.

Едва Мазарини не стало, король поспешил освободиться от всякой опеки. На следующий день после смерти кардинала он созвал государственный совет и, обращаясь к одному из влиятельнейших людей Франции, канцлеру Пьеру Сегье (1588–1672), заявил: «Я пригласил вас сюда вместе с моими министрами и государственными секретарями, чтобы сказать вам, что до сих пор я был доволен тем, как кардинал вел мои дела; но теперь пришло время взять их в свои руки. Вы будете помогать мне советом, если я вас об этом попрошу». Он запретил канцлеру скреплять какой-либо документ печатью без своего приказа, а государственным секретарям — отправлять какие-либо послания без его согласия¹. В мае этого года вопреки всем ожиданиям король не назначил первого министра. Этим жестом он хотел перед всем миром подчеркнуть свое намерение самому использовать при решении государственно-политических дел принадлежащую короне власть. Французский король стал, можно сказать, своим первым министром. На протяжении пятидесяти четырех лет он усердно занимался государственными делами, от которых его не могли оторвать ни развлечения, ни старость, опираясь на государственных секретарей, особенно на

---

¹ При этом король сохранил за Пьером Сегье пост хранителя печатей (министра юстиции) и дал ему редкую привилегию просидеть в министерском кресле до самой смерти.

генерального контролера финансов. «Царствуют посредством труда и для труда, — любил повторять Людовик, — а желать одного без другого было бы неблагодарностью и неуважением относительно Господа».

Король учел уроки Фронды, ограничив возможности потенциальной оппозиции и стремясь уничтожить всякое самостоятельное значение аристократии. Рабочим органом управления страной стал Королевский совет, которому подчинялись другие Советы — финансовый, торговый, почтовый, духовных дел и другие. В свой Узкий совет, или Совет министров, он не допускал ни принцев крови, ни духовных лиц, выбирая министров из круга профессионалов-администраторов, принадлежавших к служилому дворянству, так называемому «дворянству мантии». Вакантные посты губернаторов провинций принцам также не предоставлялись. Были снесены старые городские стены Парижа, поддержание порядка в столице было возложено на созданный корпус королевской полиции.

Людовик XIV в большей степени был человеком действия, чем отвлеченных идей. Тем не менее в решении государственных вопросов он всегда придерживался нескольких общих принципов. Это его глубоко прочувствованная ответственность за свои действия перед Богом, высокое мнение о королевских обязанностях и решимость всегда учитывать интересы государства. Личная слава, личное достоинство, столь важные для

Людовика XIV, были у него теснейшим образом связаны с властью и благополучием государства. При этом интересы государства были для него всегда выше интересов короля. Именно так следует понимать его утверждение: «Интересам государства принадлежит приоритет... Имея в виду государство, действуют для себя самого. Благополучие одного составляет славу другого».

В то же время вершиной создававшейся им пирамиды власти он считал себя и только себя, отсюда и выбранный им девиз: «NEC PLURIBUS IMPAR» (Выше всех людей на свете). Король сформулировал категоричное определение абсолютной власти: «Франция есть монархия; король представляет в ней всю нацию, и перед королем каждый — только отдельная личность. Поэтому вся власть, вся сила сосредоточена в руках короля, и в королевстве не может существовать иной власти, кроме той, которую он устанавливает... Нация во Франции не составляет самостоятельного тела, она целиком заключается в особе короля».

«Франция — это я», — с королевским достоинством утверждал Людовик XIV. Историки не сомневаются в том, что именно ему принадлежат эти слова. Правда, более известным является другое приписываемое королю изречение, получившие поистине мировую известность: «Государство — это я». Выдумка это или правда? Большинство современных исследователей, учитывая контекст

появления этой фразы, полагают, что сама мысль о такой ничем не ограниченной власти была чужда политической традиции французского Старого порядка. Этих слов, вероятно, Людовик XIV не произносил. Их ему приписали магистраты Парижского парламента, обратившиеся в 1655 году к кардиналу Мазарини с жалобой на то, что семнадцатилетний король в нарушение традиционной процедуры неожиданно явился на их заседание, дабы выразить им свое неудовольствие. Столь нелепая, по мнению современников, претензия на беспредельную власть, вложенная в уста юного монарха, должна была лишь подчеркнуть крайнее неприличие его поступка.

Людовику XIV было достаточно того, что он — Король-Солнце. Откуда пошло это выражение? Во Франции солнце выступало символом королевской власти и лично короля и до Людовика XIV. Светило становилось персонификацией монарха в стихах, торжественных одах и придворных балетах. Первые упоминания солнечной эмблематики восходят к правлению короля Генриха III, пользовались ею дед и отец Людовика XIV, но лишь при нем символика солнца получила по-настоящему широкое распространение.

В 1651 году в возрасте двенадцати лет Людовик XIV дебютировал в так называемых *«ballets de cour»* — придворных балетах, которые ежегодно ставились во время карнавала. Карнавал эпохи барокко — это не просто

праздник и увеселение, а возможность поиграть в «перевернутый мир», когда король на несколько часов становился шутом, артистом или фигляр, а шут вполне мог себе позволить появиться в образе короля. В одной из балетных постановок под названием «Балет ночи» юному Людовику довелось впервые предстать перед своими подданными в образе Восходящего солнца (1653), а в 1654 году и Аполлона — бога Солнца.

Когда же Людовик XIV начал править самостоятельно, жанр придворного балета был поставлен на службу государственным интересам, помогая королю не только формировать его образ, но и управлять придворным обществом. Роли в этих постановках распределяли только король и его друг — граф де Сент-Этьян. Принцы крови и придворные, танцуя рядом со своим монархом, изображали разные стихии, планеты и прочие подвластные Солнцу существа и явления. Сам же Людовик продолжал представлять перед подданными в образе Солнца, Аполлона, других богов и героев Древности, сойдя со сцены лишь в 1670 году.

Возникновению эпитета Короля-Солнце предшествовало еще одно важно культурное событие эпохи барокко — Карусель Тюильри 1662 года. Это празднично-карнавальная кавалькада, представляющая собой нечто среднее между турниром и маскарадом. В XVII же веке Карусель называли «конным балетом», поскольку это действо больше напоминало

спектакль с музыкой, богатыми костюмами и достаточно последовательным сценарием. На Карусели 1662 года, данной в честь рождения первенца королевской четы, Людовик XIV гарцевал перед зрителями на коне в костюме римского императора. В руке у короля был золотой щит с изображением Солнца. Это символизировало то, что это светило защищает короля и вместе с ним всю Францию.

* * *

Мазарини оставил королю все имущество: картины, книги, дома, восемнадцать огромных бриллиантов, известных под именем *les Mazarins*, и деньги. Однако все это было ничто по сравнению с другим бесценным сокровищем — Кольбером (1619–1683). Мазарини перед смертью «завещал» своего преданного слугу Людовику XIV, дав ему поистине блестящую рекомендацию: «Государь, я обязан Вам всем. Но я рассчитался полностью, оставляя Вам Кольбера». Накануне кончины Мазарини Кольбер получил должность интенданта финансов.

Жан-Батист Кольбер родился в 1619 году в семье торговца шерстью в Реймсе. Впоследствии его предки показались ему недостойными, и он решил придумать что-нибудь поблагороднее. В то время вспомнили о нортумберийском святом Катбере. Кольбер поручил королевскому специалисту по генеалогии д'Озье доказать, что он является потомком святого и его шотландской жены,

и представить в качестве свидетельства старинные документы. Злые языки утверждали, будто представленные бумаги выглядели так, словно десятки лет пролежали на дне моря; сильно подпорченные плесенью, они едва читались; но возложенную на них роль документы сыграли. Генеалогия Кольбера была соответствующим образом зарегистрирована, но отмежеваться от предков, торговавших шерстью, ему все же не удалось, поскольку святой Катбер оказался сыном пастуха. Остается только гадать, знал ли об этом всемогущий министр!

Еще будучи в довольно юном возрасте, он понял, что экономика — это верный, хотя и не очень быстрый путь к власти, и начал карьеру с того, что привел в порядок страшно запущенные личные дела Мазарини; затем, все еще находясь на службе у кардинала, занялся государственными финансами. Когда король был ребенком, Кольбер учил его, как вести счета; Людовик стал первым королем Франции, умевшим это делать самостоятельно. Кольбер заставлял его записывать, сколько денег он имел в начале каждого года, а затем вычитать расходы. Он сознавал, что наступает новая эра, когда страна должна либо начать вывозить товары, либо погибнуть, и основал Совет торговли под председательством короля, собиравшийся раз в две недели.

Испытав этого образцового слугу и убедившись, что искать более умелого было

бы глупо, Людовик взвалил на него всю работу. С 1661 года Кольбер стал одним из трех государственных министров и фактическим главой администрации провинциальных интендантов (они стали практически хозяевами в провинциях, их полномочия необычайно расширились), с 1665 года — генеральным контролером (министром) финансов, с 1669 года — государственным секретарем по делам флота, колоний, двора и взаимоотношениям с Церковью. С 1664 года он был также сюринтендантом королевских строений, ведавшим строительством Версаля и других королевских резиденций. Получилось, что Кольбер превратился в ангела-хранителя сразу всех министерств, за исключением военного: финансов, искусств, общественных работ, торговли, ремесел, морского, земледелия и министерства колоний. Раньше все эти службы существовали лишь в зачатке, создал их он сам.

При такой нагрузке другой на его месте умер бы уже через полгода, он же, играючи, успевал все и во всем добивался успеха непонятно, каким образом. При этом Кольбер вовсе не отличался выдающимися способностями. Исключительное качество этого королевского «слуги на все руки» состояло в его невероятном трудолюбии. Все было достигнуто лишь трудом и собственными усилиями. И это был человек не самый здоровый — страдавший подагрой, желудком, приступами печени и прочими неприятностями, вызванными капризами внутренних органов.

Рацион его был очень скромн: утром кусочек смоченного в бульоне хлеба, вечером протертый суп или курица. Что же до сна, о нем не было и речи: «Хроническая бессонница», — гласил диагноз.

Кольбер был удивительным человеком; несмотря на то что его образование было поверхностным, он отличался глубокими познаниями в области литературы, науки и искусства, хотя, вероятно, считал эти области человеческих знаний не самыми главными в жизни, чем-то вроде приложения к торговле. Он был членом Французской академии, и ее знаменитые кресла обязаны своим существованием ему (во Франции кресло в XVII веке имело почти мистическое значение. Сидеть в кресле в присутствии короля позволялось только его супруге, английскому королю Якову II и внуку короля, Филиппу Анжуйскому, когда тот стал королем Испании). Один из титулованных академиков принес для себя кресло на заседание Академии в Институт Франции. Когда Академия собралась вновь, он обнаружил, что Кольбер обеспечил креслами всех академиков. Министр основал в Риме на вилле Медичи французскую школу живописи и скульптуры, открыл в Париже обсерваторию и пригласил туда работать астронома Кассини; он также создал и саму Академию наук, покупал книги для королевской библиотеки, и наконец, являясь сюринтендантом финансов, руководил работами по реконструкции Версаля.

Среди помощников Людовика XIV Кольбер был, наверное, самым важным, но не единственным. У молодого короля очень рано проявилась способность умело подбирать талантливых и энергичных исполнителей его замыслов. Он настойчиво искал людей способных и энергичных, невзирая на социальное происхождение выдвиженцев.

Помимо Кольбера ближайшими сподвижниками короля были Анри де Ла Тур д'Овернь, маршал Франции, прославившийся в сражениях Тридцатилетней войны; Себастьян Ле Престр, маркиз де Вобан, талантливый полководец и военный инженер, построивший более 30 новых крепостей и перестроивший около 300 старых; Франсуа-Мишель Ле Теллье, маркиз де Лувуа, военный министр Людовика XIV, подталкивавший короля к активной внешней политике, против чего возражал расчетливый Кольбер, усматривавший в постоянных войнах угрозу финансовому благополучию Франции. Младший брат Кольбера, Шарль, девять лет будет государственным секретарем по иностранным делам, и за заслуги король дарует ему титул маркиза де Круасси. А уже сын Круасси — Жан-Батист Кольбер, маркиз де Торси, в течение двадцати последних лет царствования Людовика XIV возглавлял Министерство иностранных дел Франции.

Праздник в Во-ле-Виконт

1661 год выдался щедрым на события. Это не только год смерти Мазарини и начало самостоятельного правления Людовика XIV. Это еще и рождение Версаля. Прологом к этому событию стал достопамятный визит Людовика во дворец Во-ле-Виконт, расположенный в 45 км от Парижа. Посещение этого дворца стало первым крупным публичным выездом, имевшим для молодого монарха принципиальное значение. Что же знаменательного произошло в этот необычайно жаркий и душный день 17 августа 1661 года? Праздник, устроенный сюринтендантом финансов Николя Фуке, занимавшим ведущее положение в системе французской администрации. Формально Фуке был подотчетен только королю, а фактически — Мазарини. Кардинал хищнически обогащался с помощью Фуке и ко времени своей смерти имел фантастическое состояние, что не мешало ему побаиваться неосмотрительно выдвинутого им Фуке.

Фуке, пользовавшийся в королевстве репутацией главного мздоимца и вора, не только безотчетно распоряжался финансами королевства, но и занимал высокий пост генерального прокурора Парижского парламента. После канцлера это была вторая по значению должность во французской администрации. Как главный казначей Фуке являлся объектом лести, презрения, зависти и подозрений в незаконности сделок. Любовь Фуке к роскоши, к женщинам, его непомерные траты сделали его весьма подозрительной фигурой в глазах Кольбера, другого выдвигенца Мазарини, человека скрупулезного и недоверчивого. Над головой сюринтенданта сгущались тучи. Из разных источников поступали сведения о том, что Людовик намерен расправиться со своим министром. Действительно, молодой король испытывал ненависть к Фуке. В этом чувстве слились воедино и политические, и личные мотивы. Людовик XIV жаждал абсолютной власти, и прежде всего установления личного контроля над финансами страны. Для этого ему нужна была бесспорная, убедительная демонстрация силы. Можно ли было найти лучший вариант, чем полное сокрушение всемогущего Фуке? А сюринтендант не понял короля, обладавшего такими качествами характера, как самолюбие, честолюбие, жажда славы и власти в непомерных даже для абсолютного монарха размерах. Логика у финансиста была простой: самовлюбленный юноша попытается

взвалить на свои плечи непомерную тяжесть правления, но неизбежно будет ею раздавлен и вскоре предпочтет государственным делам развлечения. А программа-минимум у Людовика была иной. В любом случае он хотел доказать, что король во все вникает, все знает, все решает, а министры являются лишь исполнителями его воли.

Итак, Людовика XIV раздражали богатство Фуке, его самомнение и необузданная гордыня, его надменный девиз: «*Quo non ascendam?!*» («Куда я только не взберусь?!»)¹. Казалось, все на свете мог купить министр финансов, нанять лучших архитекторов, художников, оформителей, построить дворец, которому могли лишь завидовать влиятельнейшие и богатейшие властители Европы. Именно так и увековечил себя Фуке. Он решил построить в своем владении Во-ле-Виконт дворец, способный поразить воображение самых тонких ценителей прекрасного и поднять престиж хозяина на недостигаемую высоту. Три окрестные деревни были разрушены, чтобы расширить строительную площадку. Для достижения своей цели финансист подобрал неповторимую команду: архитектор Луи Лево, художник Шарль Лебрен, скульпторы Франсуа Жирардон и Франсуа Ангье, садовник Андре Ленотр. Сам

---

¹ Это очень сочеталось с семейным гербом Фуке, где была изображена белка. А в просторечии белка именуется «фуке».

Фуке, человек с изысканным вкусом, вникал во все детали архитектуры, меблировки и художественной отделки своего любимого детища.

Работы начались в 1656 году и продолжались около трех лет. До 18 тысяч человек трудились не покладая рук. Здесь же Лебрен создал ателье по производству ковров, впоследствии превратившееся в королевскую мануфактуру гобеленов. Расходы были колоссальными. Они превысили 18 млн ливров. Но в итоге Франция получила архитектурный и художественный шедевр мирового значения. Про это чудо пошла молва, и известные люди торопились ознакомиться с новым замком Фуке. Умиравший Мазарини велел себя туда доставить. Английская королева Генриетта-Мария, — вдова Карла I, мадам Генриетта — герцогиня Орлеанская, дочь Карла Стюарта, и ее муж, герцог Филипп Орлеанский, да и многие другие достойные упоминания лица не могли удержаться, чтобы не взглянуть на диковину, о которой так много судачили. Сам король в июле 1661 года официально объявил о намерении приехать сюда через месяц в сопровождении большой свиты. Несмотря на то что отделка замка была еще не закончена, Фуке сделал все, чтобы поспеть к сроку и поразить своих пресыщенных, ничему не удивляющихся гостей. Дело в том, что место скончавшегося Мазарини, первого министра — высшая мечта Фуке — все еще было вакантно!.. Нужно было любой

ценой угодить королю, очаровать его, привести в восхищение... Праздник во что бы то ни стало должен был превратиться в невиданную, ошеломляющую феерию! Однако показать властелину, что его подданный безмерно богат и всемогущ, и принять его так, будто истинный король — он, Фуке, а Людовик — бедный родственник, означало вызвать гнев короля, зависть и ненависть у придворных и сплотить двор против себя². Такой близорукий подход означал, что для владельца дворца праздник неизбежно превратится в поминки.

Так оно и случилось. Возмущенный ослепительной роскошью праздника, король был готов арестовать сюринтенданта в его собственном доме. Королева Анна Австрийская удержала сына от безрассудного поступка, сказав, что великому королю не пристало

---

² Впрочем, существует мнение, что молодого короля убедили в коварстве Фуке, которым были недовольны многие из окружения Людовика XIV, включая Кольбера, а политика Фуке как сюринтенданта финансов не слишком отличалась от действий его предшественников, обеспечивала монархии надежные поступления, но ставила ее в зависимость от заимодавцев. Александр Дюма, например, создал весьма привлекательный образ Фуке: «Отважный в финансовых операциях, он умел найти источники богатства в самых бедственных, отчаянных положениях; ученый-правовед, он занимался науками, привлекал умом, был благороден в поступках и легко обманывался...»

нарушать законы гостеприимства. Но судьба Фуке была предreshена...

Злополучный глава финансового ведомства был арестован через месяц в Нанте, и руководил этой акцией младший лейтенант первой роты мушкетеров Шарль де Бац де Кастельмор, граф д'Артаньян, всемирно известный по романам Александра Дюма. Одновременно в Во-ле-Виконт были направлены курьеры с приказанием опечатать замок и вывезти все документы. Желу Фуке по традиции отправили в изгнание в Лимож. Процесс против Фуке длился три года. Судьи так и не посмели назвать главной его вины и приговорили подсудимого к вечному изгнанию «за злоупотребления и растрату подотчетных сумм». Однако несмотря на то, что Кольбер и сам король настаивали на вынесении Фуке смертного приговора, Палата правосудия сохранила ему жизнь. Он был заточен в крепость Пиньероль, на юге Франции, где и умер спустя шестнадцать лет.

Людовик не удовольствовался вывезенными из Во бумагами. В ходе последовавших распродаж он приказал оставить для себя массу тамошних ценностей: большую часть ковров, гобелены, парчовые портьеры, серебряные и позолоченные украшения, статуи и более тысячи апельсиновых деревьев, которые стоили кучу денег; дерево среднего размера даже сегодня стоит весьма дорого. К апельсинам король питал особое пристрастие. Он расставил их в серебряных кадках

в каждом своем покое. Рассказывают, что в Оранжерее Версаля до сих пор можно увидеть несколько апельсиновых деревьев Людовика XIV.

Свой поступок король оправдал тем, что сокровища Фуке были оплачены из государственной казны, следовательно, за его собственный счет. Кроме того, король заполучил трех замечательных творцов, создававших Во: садовника Ленотра, архитектора Лево и художника Ле Брена, автора всех живописных работ. Они нужны были Людовику для воплощения проекта, давно занимавшего все его мысли: не будучи в силах стерпеть, чтобы какой-то подданный владел столь же прекрасным дворцом в то время, когда он сам живет в королевских развалинах, он вознамерился построить себе жилище еще краше, чем у Фуке. Уже ближайшей весной на покрытой лесом равнине Версаля стали вырисовываться контуры нового дворца и парка...

Рождение Версаля

С первых дней царствования Людовик был озабочен мыслью о строительстве нового дворца, более соответствующего его величию: все прежние королевские резиденции казались ему недостойными его персоны. Он долго не знал, какой из королевских замков превратить во дворец. Наконец, его выбор пал на Версаль. Но прошло более пятидесяти лет, прежде чем новый великолепный дворец был готов в своих основных частях.

Почему выбор пал на Версаль? На главной дороге, соединявшей Нормандию и Париж, в 16 км к юго-западу от Лувра, была расположена деревушка Версаль. Три небольших и бедных поселения по соседству назывались Трианон, Сен-Сир и Кланьи. Деревня Версаль по сравнению с ними процветала: там было три харчевни, скот, в лесах много дичи, и Людовик XIII, как и все Бурбоны, практически не вылезавший из седла, часто делал в Версале остановку, отдыхая здесь после охоты. Чтобы не ночевать в харчевне или не скакать домой в Сен-Жермен, он и построил себе в Версале дом, в котором было двадцать комнат и одна большая спальня для мужчин.

Именно этот маленький охотничий домик Людовик XIV задумал превратить в центр вселенной. Трудно сказать, когда эта идея посетила молодого короля. Возможно, еще в 1661 году, когда он начал устраивать в тамошних садах балы для своей юной возлюбленной Луизы де Лавальер и друзей, средний возраст которых не превышал девятнадцати лет. Ему самому тогда исполнилось двадцать три. К этому времени Людовик уже год как был женат и имел сына. Людовику нравилось развлекаться вдали от посторонних глаз, и Версаль был идеальным местом для этого, хотя из-за малых размеров дома балы приходилось проводить в саду.

Почему, решив построить для себя дом, он выбрал именно Версаль — остается загадкой. Материальные трудности, связанные с широкомасштабным строительством в этом месте, были огромны.

Версаль, бесспорно, имел в глазах короля особое очарование, хотя придворные так и не разгадали, в чем именно оно заключалось. Их возмущение и жалобы звучали все громче по мере того, как цель короля переместить в Версаль двор становилась очевидной. «Здесь нет никакого вида», — сетовали они. Но королю нравился именно такой пейзаж, типичный для Иль-де-Франс: широкая просека в лесистой местности, уходящая на запад, до горизонта, где виднелись два тополя. «Здесь нет города», — не унимались вельможи. Ну и хорошо — город волей-неволей

вырастет там, где живет король. «Здесь нездоровый климат», — звучал еще один аргумент. Но король чувствовал себя здесь прекрасно.

Более серьезные возражения были у Кольбера, главного политического советника короля. Поддерживаемый канцлером Сегье, великим стариком, которого Людовик высоко ценил и уважал, Кольбер настойчиво повторял, что король Франции должен жить в Париже. На начальном этапе строительства Кольбер не представлял, как будет выглядеть дом, и потому с большой неохотой выделял Людовику деньги и людей, полагая, что все это можно было бы с большей пользой использовать для реконструкции Лувра, чтобы превратить старый дворец в достойную резиденцию великого короля. Но Людовик не желал жить в Париже. И дело вовсе не в том, что он боялся парижан, как иногда говорили; страх был не свойственен ему. Он не питал презрения к своей столице, а, напротив, постоянно заботился о ней, уделяя внимание всем аспектам жизни города и его развитию, стремясь превратить его средневековые трущобы в красивые и удобные для обитания места, и это ему удалось. Как писал Александр Дюма, «Париж в начале царствования Луи XIV — это еще город Средних веков, Париж в конце царствования Луи XIV — город Нового времени».

Король опасался новой Фронды, гражданской войны между аристократами, бушевавшей в дни его детства. Слишком уж свежи

были воспоминания о нелепом и страшном положении, в котором он тогда оказался вместе с братом и матерью. На протяжении всей жизни Людовик строго следовал правилу не допускать аристократию к власти и старался все время держать вельмож в поле зрения. И это для него, человека с властным характером, было совсем нетрудно, а потому месторасположение дворца значения не имело. Вопрос географии короля не волновал.

Людовик XIV любил природу и сельские просторы. Он предпочитал активный образ жизни и не мог сидеть в четырех стенах, ежедневно проводил много времени, занимаясь стрельбой и охотой, и был превосходным стрелком. За год до смерти он тридцатью четырьмя выстрелами поразил тридцать два фазана — высочайшее достижение для примитивного оружия тех дней. Людовику ничего не стоило проехать верхом из Фонтенбло в Париж, посмотреть, как идут строительные работы в Лувре и Венсене, пообедать с братом в Сен-Клу и проверить тамошнее состояние дел, а затем вернуться в Фонтенбло. В зрелом возрасте он увлекся садоводством и планировкой парков. В городе такому человеку было бы тесно и неудобно.

Знаменитый визит Людовика XIV в Во-ле-Виконт, несомненно, подсказал ему, как должен выглядеть Версаль. В новом Во он увидел изысканность современного французского стиля, свободного от бывшего тогда в моде итальянского влияния.

Однако несмотря на страстное желание создать новую резиденцию, генеральный план реконструкции Версаля король на некоторое время отложил и вернулся к нему только после смерти матери в 1666 году. Это случилось во время войны за передачу власти по наследству, так называемой Деволюционной войны, с помощью которой Людовик хотел доказать право своей жены унаследовать Испанские Нидерланды. Покорив Фландрию и подписав в 1668 году мир в Ахене, Людовик XIV приступил к работе над своим новым дворцом всерьез. В знак прощания со старой усадьбой он устроил Дивертисмент, то есть концерт с различными номерами, на котором Мольер впервые поставил своего «Жоржа Дандена».

Спустя несколько дней после Дивертисмента в Версале закипела работа. Проект получил название *«enveloppe»* — конверт. С помощью Лево король решил создать для дома отца соответствующее обрамление, наподобие того, как драгоценный камень заключают в подходящую ему оправу. Людовик пожелал оставить нетронутым охотничий домик, расположенный на песчаном холме с подвижным грунтом, и возвести собственные апартаменты вокруг него. По мере того, как дом разрастался, приходилось увеличивать и холм. Существовали и проблемы с водоснабжением. В то же время, непонятно, почему, мечтая о собственном доме, который стал бы памятником его царствованию, Людовик пристроил его к уже существовавшему зданию

устаревшего стиля. Архитекторы умоляли его снести старый дом, невероятно усложнявший работу. Король отвечал, что, если старое здание по какой-либо причине рухнет, он непременно восстановит его по кирпичику. Восточный фасад из кирпича и камня архитектор Лево оставил в первозданном виде, но пристроил к нему два крыла; на подходе к зданию возвел ряд павильонов, предназначенных для министров. Западный фасад, обращенный в сторону парка, был реконструирован и облицован камнем. Он приобрел более величественный вид и состоял теперь из двух крыльев, соединенных на первом этаже террасой. Кроме того, король занялся вплотную городом, спроектированным Ленотром. Людям, согласившимся строить дома, выделили земельные участки, и три широких проспекта, берущие начало на Пляс д'Арм, были заселены.

Версаль превратился в огромную строительную площадку. Здание было окружено строительными лесами. Сады и парки с развороченной землей, камнями, дренажными трубами, кишели пешими и конными людьми и больше походили на карьеры. Были высажены тысячи деревьев. Не приживавшиеся — а таких было не меньше половины — тут же заменяли на новые. Повсюду валялись мраморные и бронзовые статуи: ожидали команды короля, куда их водрузить. Людовик так торопился увидеть результат, что не обращал внимания на многочисленные недоделки и огрехи. Время от времени он привозил

в Версаль придворных; спать им приходилось, где придется, да и сам король особых удобств пока не имел. Судя по размаху строительства, уже тогда можно было с уверенностью сказать, что Версаль будет одной из главных королевских резиденций. Он должен был стать зримым знаком власти Людовика XIV.

Помощь королю в строительстве Версаля оказывали четыре человека: Кольбер, Лево, Ленотр и Ле Брен. Без них грандиозный проект никогда бы не осуществился; но несмотря на многочисленные и несомненные достоинства всех четырех, главным вдохновителем и движущей силой проекта был все-таки Людовик. Он хорошо знал, чего хочет. Благодаря Мазарини, окружившему его с детства красивыми вещами, у короля сформировался хороший вкус. Год от года он становился все изысканнее, и это оставляло отпечаток на всех его делах.

Кольбер ненавидел Версаль, но только он был способен раздобыть необходимую для его строительства сумму. Узнав, что король собирается в Версале обосноваться, финансист смирился с неизбежным и начал думать о том, как с умом и пользой для страны эксплуатировать это сооружение. Ведь Версаль — это не только огромные затраты. Другие правители Европы тоже хотели иметь собственные Версали и стремились подражать французскому королю. Эту моду на все французское и использовал Кольбер, проводивший политику активного торгового ба-

ланса и меркантилизма, направленную на увеличение французского экспорта. Кольбер установил строгий таможенный контроль, не позволяя ввозить товары, которые можно было производить во Франции. Здесь были открыты фабрики по производству полотна, кружева, шелка, стекла, ковров, украшений и других предметов роскоши, ввозимых ранее из-за рубежа, прежде всего из Италии. Вскоре Франция сама стала производить товары непревзойденного качества, лучшие из которых демонстрировались в Версале. Дворец стал своеобразной витриной, постоянно действующей выставкой французских товаров. В результате в искусстве французы заняли лидирующие позиции в мире. Вскоре в стране возникла проблема нехватки рабочей силы и пришлось принимать меры, которые способствовали бы росту численности населения. Семьи, где было более десяти детей, освобождались от уплаты налогов; был повышен возрастной ценз, когда человек мог посвятить себя Богу (Кольбер считал, что слишком много молодых людей связывают себя религиозными обетами). Была запрещена иммиграция рабочих из страны, а для иностранцев, особенно протестантов, которые подвергались гонениям на родине, создавались все условия для приезда во Францию. Но Кольберу приходилось трудно: великие вельможи отказывались вкладывать деньги в его заморские торговые компании; рабочие отказывались расстаться с причитающимися им

шестьюдесятью выходными в году (вдобавок к воскресным дням) и устраивали забастовки.

Итак, Кольбер — это финансирование и организационные работы. Лево, Ленотр и Ле Брен — это творцы, которые, используя колоссальные денежные средства, создали настоящий шедевр. Художник Шарль Ле Брен родился в том же году, что и Кольбер, и проработал с ним большую часть своей жизни. Они были похожи тем, что не гнушались никакой работы. Ле Брена нашел канцлер Сегье, когда тому было десять лет и он рисовал на кальке сценки из Апокалипсиса. В пятнадцать лет Ле Брен уже выполнял рисунки для кардинала Ришелье, а в двадцать три вместе с Николя Пуссеном отправился в Рим. Пуссен остался в Вечном Городе, а Ле Брен спустя четыре года вернулся во Францию. Первый важный заказ он получил в 1649 году; ему надлежало украсить Отель Ламбер, парижский дом одного богатого государственного чиновника. Затем он работал для Фуке в Воле-Виконт. В 1662 году король сделал его главным придворным художником и поручил декоративную отделку Версаля. Помимо этого, Ле Брен являлся директором крупной фабрики гобеленов, занимавшейся не только производством тканых ковров, но и практически всей мебелировки для Версаля. Ле Брен являлся превосходным дизайнером. Почти вся обстановка и убранство дворца: стулья, столы, ковры, отделка, декоративные панели для стен, серебро, гобелены и даже замочные

скважины выполнены по его оригинальным эскизам; он расписал потолки в зеркальной галерее, а также в залах Войны и Мира, фасад малого дома в Марли и многое другое.

Ле Брен работал в полной гармонии с Луи Лево. Наиболее известными зданиями Лево являются Во-ле-Виконт, Отель Ламбер и Институт Франции, построенный по проекту архитектора уже после его смерти. Большая часть его работ в Версале в более поздние времена была закрыта работами Мансара.

Наиболее обаятельным из всех этих людей был Андре Ленотр. Он родился в семье садовника и должен был сам стать королевским садовником, поскольку все должности в королевстве передавались по наследству. Его дед ухаживал за парками Марии Медичи; отец был главным садовником в Тюильри. Ленотр мечтал стать художником, но вскоре вернулся к садоводству, сменив своего отца в Тюильри и придав тамошним паркам новый облик. Его заметил Фуке и пригласил в Во, где результат его работы не оставил равнодушным Короля-Солнце, который незамедлительно назначил его главным управляющим всех своих парков. Ленотру мы обязаны не только версальскими садами, но и парками Шантильи, Сен-Клу, Марли, Со; творением его рук является знаменитая терраса в Сен-Жермен-ан-Ле, многочисленные частные парки и сады, а также великолепный широкий проспект Елисейские поля, берущий начало у Лувра. По проекту Ленотра был построен и город Версаль.

Садово-парковый ансамбль Версаля, созданный Ленотром — шедевр, предназначенный для культурной элиты, сотканный из аллюзий, отсылающих к языческой мифологии, и элементов барочной символики. В композиционном решении парка заложена космическая концепция — прославление бракосочетания Солнца (ось «восток-запад») и Воды (ось «север-юг»), борьба жизни и смерти, света и тьмы, порядка и первозданного хаоса.

Король очень любил прогуливаться в садах Версаля, концепцию которых он разрабатывал совместно с Ленотром. Своему шедевр он придает столь много значения, что в 1697 году издает небольшой труд, озаглавленный «Как показывать парки-сады Версаля» — своего рода гид-путеводитель, изобличающий в своем авторе человека сильных страстей.

Ленотр относился к тому типу людей, который особенно импонировал Людовику XIV. Он чувствовал себя более комфортно со своими слугами, нежели с изысканными аристократами и напыщенными буржуа из своего окружения. Как-то Людовик предложил своему садовнику герб, но тот ответил шуткой: «У меня уже есть герб: три слизня, увенчанные капустными листьями». Когда в 1675 году Ленотру было пожаловано дворянство, он все-таки выбрал себе герб, украшенный тремя слизнями.

Не менее значимую роль в обустройстве Версаля сыграл Квентини, занимавшийся огородом. Начиная карьеру в качестве адвоката в Пуатье, он всегда испытывал страсть

к садоводству и огородничеству. Любимым садовым деревом Квентини была груша. Своему любимому сорту он посвятил панегирик, полагая, что груша — это самое совершенное творение природы. Король обожал Квентини. Он возвел его в дворянство и подарил дом в саду, куда часто навещался прогуляться. До сих пор сад и огород остались почти без изменения, включая калитку с надписью «*Public*», через которую входили жители Версаля, чтобы бесплатно взять овощи.

Несмотря на погрешности, «Счета королевского строительства» позволяют получить приблизительную сумму, израсходованную на возведение Версаля во времена Людовика XIV, хотя мнения среди историков существуют разные. Так, одни полагают, что, несмотря на то, что рабочие руки были даровыми (а на протяжении двадцати лет над сооружением Версаля с его огромным парком трудилась целая армия рабочих, от 20 до 30 тыс. человек и 6 тыс. лошадей) — это были частично солдаты, частично согнанные на «королевскую барщину» окрестные крестьяне, — строительство обошлось в 150 млн ливров — сумму, превышавшую среднегодовой расход государства. Кроме того, очень высокой была смертность среди рабочих: по свидетельству мадам Севинье, каждую ночь увозили телеги, нагруженные трупами. Есть и другое мнение, согласно которому расходы на Версаль были не так уж и велики и в среднем они составляли 3–4 процента ежегодных

расходов государства¹. Исключением является лишь 1685 год, когда были проведены колоссальные работы по подведению воды, которые к тому же были прерваны. Историки приводят сумму расходов в 82 млн ливров, что равнялось стоимости двух — трех военных кампаний. Кроме того, Версаль — стройка мирного времени, оживление работ и самые крупные финансовые вложения осуществлялись всякий раз, когда провозглашался мир.

В течение двух десятилетий, пока шло строительство, королевский двор не имел постоянного местопребывания: до 1666 года он располагался в основном в Лувре, потом, в 1666–1671 годах — в Тюильри, в течение следующих десяти лет — попеременно в Сен-Жермен-ан-Ле и строящемся Версале.

Наконец, 6 мая 1682 года король официально объявил, что отныне резиденция французского правительства находится в Версале, куда он торжественно переехал с семьей, министрами и всем двором. После этого до самой своей смерти Людовик XIV бывал в Париже всего шестнадцать раз с краткими визитами. Версаль стал его любовью и приковал к себе все мысли. Заседая в правительстве, выезжая на охоту или инспектируя войска на фронте, король непременно интересовался ежедневными подробными

---

¹ Хотя если помножить эти цифры на двадцать лет строительства, получится 60–80 процентов от годового дохода.

отчетами о состоянии дел на строительстве его дома.

Дворец еще не был готов. В покоях еще не просохла позолота, в знаменитой Зеркальной галерее не был настлан пол, придворные жили среди каменщиков и художников. Но король решил, что работы никогда не закончатся, если он не переедет. До самой своей кончины Людовик XIV что-то добавлял, менял или модернизировал в своей загородной резиденции. «Неблагодарный фаворит», как прозвали Версаль придворные, стал неотъемлемой частью легенды о Короле-Солнце. Монарх провел там многие годы. Он обитал там, когда был в зените своего правления и когда его жизнь двигалась к закату.

Людовик изменил проект архитектора Лево, значительно расширив кольцо новых зданий, окружавших старый дом Людовика XIII. В 1670 году Лево умер, и работу продолжили его преемники. В 1679 году архитектором короля стал Жюль Ардуэн-Мансар, внучатый племянник знаменитого архитектора Франсуа Мансара. Он создал проекты множества особняков, появившихся как в Париже, так и в Версале. В Версале по его проектам были возведены Оранжерея, Зеркальная галерея, Северное и Южное крылья дворца, Большая и Малая конюшни, Большой Трианон, королевская часовня. В 1681 году он стал первым архитектором короля, а в 1691 году — сюринтендантом строительства, искусства и мануфактур.

Зеркальная галерея и сегодня является непревзойденным архитектурным шедевром, поражающим великолепием отделки, игрой красок и обилием позолоты. В многочисленных зеркалах отражались толпы красавиц и красавцев в одеждах из шелка и кружева, богато украшенных золотой нитью и драгоценностями. Днем галерея служила главной улицей или ярмарочной площадью этого «города богачей». Однако при появлении королевского паланкина движение на этой оживленной трассе прекращалось. Все вытягивались в струнку и учтиво расступались, пропуская вперед монарха.

В те дни дворец был открыт для посещений подданными; люди могли приходить и уходить в любое время дня и ночи. Рядовые посетители могли попасть практически во все залы дворца. Если кому-то случалось забрести в частные покои, то тут же появлялся слуга, делавший вид, что ему было необходимо задернуть шторы или разжечь в камине огонь, и объяснял заблудившемуся, как выбраться из помещения. Делалось это учтиво и тактично, чтобы человек не почувствовал себя оскорбленным.

Каждый подданный мог воспользоваться правом передать королю прошение. С 1661 года Людовик поощрял эту практику. Монарх видел в этом возможность познакомиться с непосредственными заботами и нуждами своих подданных. Позднее в Версале каждый понедельник в помещении королевской гвардии выставляли большой стол, на котором просители оставляли свои письма. Они обра-

батывались государственными секретарями и, снабженные соответствующим рапортом, передавались королю, выносившему решение по каждому случаю лично.

Хотя король жил в Версале фактически среди толпы (придворный штат насчитывал около двадцати тысяч человек) и практически без охраны, за столетие, вплоть до Революции конца XVIII века, здесь не было совершено ни одного покушения на жизнь царственной особы.

Два огромных крыла примыкали к зданию Лево с боков. Южное предназначалось для принцев крови, побочных детей Людовика, и их челяди. Здесь располагалось пятнадцать апартаментов на нижнем этаже и еще четырнадцать наверху, а также бесчисленные мастерские, приемные и служебные кабинеты. Крыло принцев было отделено от города зданием с кухней, буфетной, кладовыми и комнатами для полторы тысячи слуг. Конюшни, придавшие дворцовому ансамблю законченный вид и соединившие его с городом, тогда еще только строились. Конюшни, псарни и другие постройки, используемые для охотничьих нужд, занимали больше места, чем апартаменты министров. В 1701 году в Версале содержали шесть свор гончих. Собаки принадлежали королю и его сыновьям. Гончих использовали в охоте на оленя, кабана и волка. Часть собак король держал в своих покоях и кормил из рук, чтобы животные признавали в нем хозяина. Собаководство было второй, после охоты, страстью Людовика.

Северное крыло дворца называлось Вельможное и состояло исключительно из комнат для придворных. Внутри оно представляло собой запутанный лабиринт коридоров, в котором постороннему человеку было легко заблудиться и провести в забвении многие годы. Однажды Мадам, то есть супруге брата короля, герцога Орлеанского, потребовалась фрейлина, причем одинокая, брошенная мужем или овдовевшая герцогиня. В поисках подходящей кандидатуры двор едва не сбился с ног, пока кто-то не вспомнил о существовании герцогини де Бранка, которая разошлась со своим жестоким и расточительным мужем. Всеми забытая, она буквально умирала от голода в одной из комнат дворца.

При всем своем блеске Версаль был начисто лишен комфорта. С началом осени замок пустел. Даже Людовик XIV, человек, настолько неприхотливый, что не брезговал спать в кишасей клопами постели, не выносил здешнего холода. Что уж говорить о простых смертных, куда менее приспособленных к специфическим условиям величественного жилища, где жуткие сквозняки разгуливали среди великолепных мраморов и зеркал. Потому-то и появлялись тогда всякие «грелки для ног», «грелки для рук», ермолки, высокие ширмы и прочие аксессуары, которые, не разрушая заведенного этикета, хоть как-то спасали от стужи.

Несмотря на тесноту и неудобства, проживать в Версале считалось престижным, поскольку даже жалкая каморка во дворце

являлась критерием личного благополучия. Те же, кто были стеснены в средствах, или были недостаточно влиятельными, чтобы удостоиться приглашения поселиться у Людовика, имели дома или апартаменты в городе. Там же жили слуги, не имевшие права обитать в Версале. Поэтому вскоре вокруг дворца вырос целый город.

Для придворных со скромным достатком жизнь в Версале была очень разорительной, ведь необходимо было соблюдать внешний лоск. Король любил, чтобы окружающие его люди выглядели наилучшим образом. Элегантное платье в те дни могло стоить целое состояние. К счастью, мода менялась не так часто, и наряд можно было носить десятилетиями. В особых случаях, например к свадьбе, монарх мог потребовать обновить гардероб. Тогда резко возрастал спрос на услуги портных, парикмахеров и ювелиров, которых придворные часто переманивали друг у друга.

Не следует думать, что знать вела праздную, не обремененную никакими обязанностями жизнь. Все здоровые мужчины призывного возраста проходили военную службу. Правда, зимой они особенно не перетруждались, но с наступлением весны отправлялись в действующую армию. Версаль оставался в распоряжении женщин, стариков и тех, кого король считал непригодными для армейской службы. Версальский дворец фактически являлся штаб-квартирой, а город с его огромным количеством казарм — гарнизоном.

Версаль был святилищем, а придворное окружение — жрецами и поклонниками. В те времена важность особы измерялась свитой, и Людовик XIV задался целью затмить не только своих предшественников, но и всех современных ему государей. Для этого ему нужно было привлечь ко двору как можно больше самой блестящей знати со всего королевства, а для этого нужно было, чтобы Версаль стал центром благополучия ее представителей. Поскольку король был средоточием всей власти в стране и распределителем благ, в интересах знати было мелькать у него перед глазами, если она хотела обрести влияние или богатство.

Кроме того, будучи верховным главнокомандующим, король предпочитал держать офицеров — людей, кому доверил безопасность государства, — под постоянным наблюдением, чтобы иметь возможность контролировать их. В те времена среди придворных часто можно было видеть изувеченных в бою.

Еще одной из причин, по которой Людовик вынудил двор переехать в Версаль, было желание заставить аристократию оторваться от Парижа. Король никого от себя не отпускал — ни друзей, ни врагов, — так ему было спокойнее. В столице враждовали сильные группировки, распрям и интригам не было конца, и это могло закончиться бунтом. А в уединенном замке посреди леса

аристократы всегда должны были находиться на виду.

Государь пристально следил за своей многочисленной ратью. Придворные жили одной огромной семьей, во главе которой стоял король, и практически ничего не могли сделать без его согласия: ни отлучиться на день в Париж, ни сделать прививку от оспы, ни устроить брак своего ребенка. Они пользовались невиданными привилегиями, но их свобода была эфемерной. Практически о каждом из них Людовик XIV имел исчерпывающие сведения и непременно замечал чье-либо отсутствие. Покинуть дворец без разрешения короля было в высшей степени неосмотрительно. Обычно он не отказывал тому, кто хотел навестить свое поместье, но крайне неохотно отпускал тех, кто желал отлучиться на пару-тройку дней в Париж: Людовик терпеть не мог, когда придворные искали развлечений в столице. Поэтому круг обязанностей тесно переплетался с расписанием удовольствий. Король устраивал в Версале бесконечную череду всевозможных праздников и карнавалов, не явиться на которые было равносильно смерти. Самыми значимыми развлечениями считались события в семье самого короля: свадьбы, рождения и даже похороны. В этих церемониях каждый из придворных играл свою определенную роль.

Плотный распорядок ускорял ход времени и создавал впечатление занятости. Официальные приемы, которые надлежало посещать придворным, следовали с короткими

интервалами, но проходили порой в местах, весьма удаленных друг от друга. Поэтому большая часть времени у придворных уходила на перемещения из одного конца дворца в другой. Вельможи должны были присутствовать на ежедневных ритуалах пробуждения короля ото сна, отхода ко сну, переодевания для охоты, совместного с королем посещения часовни, не говоря уже про обеды. Больше всего времени отнимало парадное шествие в часовню, когда королю подавали прошения и представляли людей, желавших выразить ему свое почтение. Раз в неделю монарх устраивал приемы в честь иностранных посланников. Специально для этих приемов была построена удивительно красивая Посольская лестница, выполненная из разноцветного мрамора, украшенная фресками, изображавшими представителей всех народов мира. При Людовике XV лестница была разрушена.

Версаль стал олицетворением государства как такового. Здесь причудливым образом сочетались труд министров и азартные игры, набожность и распутство, роскошь и грязь. Коридоры и лестницы регулярно приходилось убирать. Бонтан, верный лакей Людовика XIV, возглавлял очистку помещений не только от нечистот, но и от воров и мошенников. Например, наследника престола — дофина — обворовывали дважды, а герцогиню Бургундскую воры не пощадили даже в день свадьбы.

Король Этикет

В лучшие времена Версаля его двором правил господин куда более могущественный, нежели сам король: то был церемониал или этикет. Малейший жест, малейший шаг — все было расписано, как в балете.

Жизнь при дворе протекала по строгому распорядку, установленному королем: Людовик XIV действительно был как солнце, и его окружение всегда знало, где он находится. Но еще важнее было то, что придворные знали, где должны были находиться они. Железный этикет, кажущийся абсурдным, на самом деле был суровой необходимостью: благодаря ему обеспечивались порядок и мирное сосуществование под одной крышей от трех до пяти тысяч человек.

Как отмечал русский историк П. Н. Ардашев (1865–1923), «королевский абсолютизм был возведен Людовиком XIV в своего рода культ, и центром этого нового культа должен был служить двор». Конечно, Король-Солнце был и творцом своего собственного культа, и своим первым поклонником. Но здесь, в Версале, культ короля-полубога творили прежде всего

придворные. Если королевский этикет до Людовика XIV отличался простотой, то при новом властителе все изменилось. Король словно перестал быть земным существом. Приблизиться и тем более обратиться к нему стало делом трудным, порой просто невозможным. Дворец превратился в святилище, место божественной литургии. Опыренный собственным величием и необузданной гордыней, Людовик каждое мгновение своей жизни соизмерял со сложнейшим церемониалом.

Этикет имел целью убедить народ в божественном происхождении королевской власти. Культ Юпитера едва ли выдержит сравнение с культом Людовика. Все, что было связано с его жизнью, должно было служить одной цели: утверждению величия и исключительности монарха. «Грубо ошибаются те, — писал Людовик в «Мемуарах», — которые думают, что это простые церемонии. Народы, над которыми мы царствуем, не умея проникнуть в суть дела, судят по внешности и большей частью соизмеряют свое уважение и послушание с местом и чином... Важно также, чтобы тот, кто управляет один, был так возвышен над остальными, чтобы не было никого другого, с кем его могли бы смешивать и сравнивать». Придворный культ короля был настоящей религией, в которую одинаково верили и поклонники, и сам Людовик XIV. Поэтому для того, чтобы подать королю стакан воды или вина, требовалось не менее пяти человек и четырех поклонов.

Култ королевской личности отражался даже на неодушевленных предметах, осчастливленных более постоянным соприкосновением с ней. Так, проходя через королевскую спальню, все дамы, не исключая принцесс королевского дома, были обязаны делать реверанс перед королевской постелью.

Каждый акт повседневной жизни короля являлся поводом для священнодействия. Пробуждение ото сна и отход ко сну были почти религиозными церемониями, соблюдавшимися ежедневно с точностью хорошего часового механизма. Каждое утро, просыпаясь в половине восьмого, Король-Солнце выпивал чашку чая или бульона, готовясь к утреннему приему посетителей. Это был целый спектакль, разыгрываемый в присутствии *petites entrées*, особо приближенных, которым дозволялось видеть короля в ночной сорочке. Обычно в число *petites entrées* входили доктор, слуги и *porte-chaise d'affaires* — «носитель стула для дел». Этот придворный (чтобы получить такую хлебную должность, ему наверняка пришлось заплатить взятку, равноценную небольшому состоянию) заносил в королевскую спальню богато украшенный стул с отверстием в середине, на котором Людовик сидел, пока парикмахер выпрямлял его утренний парик (чуть менее пышный, чем дневной и вечерний) и брил короля. Тем временем Людовик справлял нужду, после чего доктора осматривали результаты на предмет выявления признаков нездоровья.

Как только церемония оканчивалась, Людовик начинал прием избранной группы придворных — только мужчин, — которым дозволялось наблюдать процесс его одевания. Этой чести удостаивались примерно сто человек, и в спальне, бывало, не протолкнуться, так что карманные кражи часов и кошельков были не редкостью. Как уже отмечалось, жизнь в Версале обходилась недешево, и бедные аристократы не брезговали пополнить свои доходы с помощью ловких рук.

В десять утра Людовик посещал полу часовую мессу, во время которой зачастую звучала новая хоровая музыка, написанная для него лучшими композиторами Франции. По пути в часовню и обратно король дотрагивался до больных — им разрешалось войти во дворец, — чтобы они могли ощутить на себе самопровозглашенную целительную силу божественного монарха. Если король принимал лекарство или был нездоров, то приказывал служить обедню в его комнате; он причащался по большим праздникам не менее четырех раз в году и строго соблюдал посты.

Потом следовало двухчасовое совещание с министрами и выслушивание ходатайств тех, кому удалось всеми правдами и неправдами (через уговоры, взятки и постель) добиться аудиенции. Число министров обычно не превышало трех-четырех человек. Принцы крови на заседания не допускались: брат короля, герцог Орлеанский, мог посещать один второстепенный совет, собиравшийся

раз в две недели, в то время как дофин не допускался никуда.

Людовик редко отсутствовал на заседаниях Совета. Если это и случалось, то по весьма уважительным причинам: религиозные праздники или болезнь. При приступах ревматизма или подагры король проводил заседания, лежа в постели. Везде, в Сен-Жермен-ан-Ле, в Версале или Трианоне, кабинеты короля были смежными с залом заседаний Совета. Работали до полудня или часу дня. Если дел было много, собирались и во второй половине дня. Государственный совет регулярно собирался по средам, четвергам и воскресеньям. Распорядок дня Людовик установил раз и навсегда до конца жизни. Даже в день смерти жены внука, герцогини Бургундской, король провел заседание Совета, перенеся его на несколько часов.

Ровно в час пополудни королю подавали обед. Король ел один, обычно сидя лицом к окну, выходящему на сады. Тут требуется уточнение: он ел один, а вот следила за процессом огромная толпа зрителей, с вождением смотревших на то, как король управлялся с неслабым набором блюд. Этот обычай нарушался лишь в пору пребывания короля в армии. Только на торжественные обеды король мог пригласить к своему столу членов семейства; причем принцы оставались во время трапезы в шляпах, тогда как сам король без головного убора: этот забавный «перевернутый» этикет, видимо, должен был

означать, что хозяин находится у себя дома, а другие — в гостях.

Так же, как и спектакль с утренним пробуждением, поглощение пищи королем представляло собой захватывающее действие, наблюдение за которым считалось высшей привилегией. Причем даже принцам крови и дофину не полагался в это время стул. Только брату короля, герцогу Орлеанскому, подавали табурет, на котором тот мог присесть позади Людовика. Трапеза обыкновенно сопровождалась общим молчанием.

Триста восемьдесят человек были заняты исключительно делом пропитания короля. Весь этот штат размещался в Большом служебном корпусе и имел несколько подразделений: хлебная служба, кухмистерская, фурьерская (от *fourrier* — тот, кто кормит), фруктовая и другие. Всем этим обширным учреждением руководил Главный дворецкий вместе с просто дворецким и начальниками подразделений.

В часы трапез «королевское кушанье», то есть все блюда, составлявшие меню, торжественно выносили из кухни: впереди процессии шел Главный дворецкий, его сопровождали тридцать шесть состоявших на службе дворян и двенадцать управляющих.

Поскольку, встав поутру, король не завтракал, он весьма быстро начинал испытывать голод, и обед ему обычно сервировали рано. Тут уж было чем заморить червячка! Итак, вот меню на одну персону.

Закуски: фрикасе из шести куриц; две рубленых куропатки. В дополнение к этому полагалось четыре промежуточных блюда, а на жаркое — два жирных каплуна; девять жареных цыплят; девять голубей; две молоденькие курицы; шесть куропаток; четыре паштета.

Супы: диетический из двух больших каплунов; суп из четырех куропаток, заправленных капустой; бульон из шести вольерных голубей; бульон из петушиных гребешков и нежных сортов мяса; наконец, два супа на закуску.

Основное блюдо: четверть телянка и кусок ягненка; паштет из двенадцати голубей.

Десерт: свежие плоды, с верхом наполнявшие две фарфоровые миски; столько же сухих фруктов; четыре миски с компотами или вареньями.

Нет сомнения, что, несмотря на всем известный монарший аппетит, Людовик ко многому и не притрагивался. И все-таки человек, который видит перед собой на столе четверть телянка и шестьдесят девять разнообразных блюд и не испытывает пресыщения от одного этого зрелища, едок выносливый.

После обеда Людовик удалялся в кабинет и собственноручно кормил охотничьих собак. В два часа начиналась послеобеденная программа королевских развлечений. Она отличалась некоторым разнообразием и могла включать прогулку в парке с дамами, стрельбу на территории Версаля или охоту верхом на лошадях в лесу. Сопровождая Людовика

в мероприятиях на свежем воздухе, придворные имели возможность привлечь его внимание и добиться особого королевского расположения: приглашения на утренний прием, получения должности в одном из министерств, повышения по военной службе или грант на обустройство собственного замка.

Выделиться из толпы можно было изысканными нарядами, поэтому придворные меняли туалеты несколько раз на день, остроумной репликой в момент прохождения короля, а даме было достаточно иметь просто привлекательную внешность.

Единственное, что не позволялось никому из придворных, так это нарушать строгий распорядок таких прогулок. Например, если монарх ехал верхом, никто не мог остановиться или спешиться, прежде чем это сделает Его Величество.

Вечер был посвящен удовольствиям. К назначенному часу в Версаль съезжалось многочисленное придворное общество. Когда Людовик XIV окончательно поселился в Версале, он приказал отчеканить медаль со следующей надписью: «Королевский дворец открыт для всеобщих увеселений». Действительно, жизнь при дворе отличалась празднествами и внешним блеском. Каждый был обязан веселиться, и шутки становились все более смелыми, а смех звучал нарочито заразительно, по мере того как приближался король. Так называемые Большие апартаменты, то есть салоны Изобилия, Венеры,

Марса, Дианы, Меркурия и Аполлона, служили чем-то вроде прихожих для Зеркальной галереи, которая была длиной 72 метра, шириной — 10 метров, высотой — 13 метров и отличалась необыкновенным великолепием. Продолжением для нее служили с одной стороны салон Войны, с другой стороны — салон Мира. Все это представляло потрясающее зрелище, когда украшения из цветного мрамора, трофеи из позолоченной меди, большие зеркала, картины Ле Брена, мебель из цельного серебра, туалеты дам и царедворцев освещались тысячами канделябров, жирандолей¹ и факелов. В развлечениях двора были установлены неизменные правила. Зимой три раза в неделю происходило собрание всего двора в Больших апартаментах, продолжавшееся с семи до десяти часов вечера. В залах Изобилия и Венеры устраивались роскошные буфеты. В зале Дианы играли в бильярд. В салонах Марса, Меркурия и Аполлона стояли столы для карточных (ландскнехт, фараон, ломбер) и настольных (реверси) игр. Игра стала неукротимой страстью и при дворе, и в городе. Сам король отказался от крупной игры после того, как в 1676 году проиграл за полгода 600 тыс. ливров. Существует мнение, будто Людовик XIV умышленно потворствовал азартным играм, чтобы создать для высокородных

---

¹ Жирандоль — большой фигурный подсвечник для нескольких свечей.

дворян еще большую зависимость. Но, скорее всего, дело было в ином: азартные игры были способом привлечения знати ко двору, ее развлечения и удержания вдали от заговоров и интриг. Другие дни были посвящены театру. Сначала итальянские комедии чередовались с французскими, но потом итальянцы показались слишком непристойными и были удалены от двора, а в 1697 году, когда Людовик XIV стал подчиняться правилам благочестия, и вовсе были изгнаны из королевства. На сцене ставились пьесы французских авторов: Корнеля, Расина и в особенности Мольера, любимого королевского драматурга. В октябре 1680 года на основе труппы Мольера и соперничавшей с ней труппы «Бургундский отель» Людовик XIV основал первый во Франции национальный драматический театр — «Комеди Франсез», взяв его на государственное содержание. Король очень любил танцевать и много раз исполнял роли в балетах Бенсерада², Кино³ и Мольера. Он отказался от этого удовольствия в 1670 году, но при дворе не переставали танцевать. Масленица была сезоном маскарадов. По воскресеньям не было никаких увеселений.

---

² Исаак де Бенсерад (1612–1691) — французский поэт и драматург при дворе Людовика XIV; ставился современниками в один ряд с Корнелем за благородство и чистоту языка.

³ Филипп Кино (1635–1688) — французский поэт, драматург, автор трагедий, игравшихся в театре «Бургундский отель».

В летние месяцы часто устраивались увеселительные поездки в Трианон, где король ужинал вместе с дамами и катался в гондолах по каналу. Иногда в качестве конечного пункта путешествия избирали Марли, Компьен или Фонтенбло.

В десять вечера подавали ужин, или *souper*. Эта церемония была менее чопорной. Теперь ел не только король, и присутствовали несколько сотен придворных и слуг. Все они стояли, кроме членов королевской семьи, сидевших за столом, и герцогинь, которым дозволялось наблюдать трапезу со стульев. И вновь все проходило по строгим правилам: Людовик ненавидел, когда его отвлекали во время еды, так что ото всех требовалось соблюдение тишины, пока король и его семейство отведывали приготовленные блюда, коих было немало — около сорока. Еду из кухонь подносила к столу процессия из слуг, и каждый, кто оказывался на пути этого каравана, должен был кланяться или делать реверанс перед счастливыми блюдами, которым предстояло исчезнуть в божественной утробе.

Затем в сопровождении телохранителей и придворных Людовик проходил в свой кабинет. Вечер он проводил в кругу семьи, однако сидеть при нем могли только принцессы и герцог Орлеанский.

Наконец в одиннадцать часов наступал официальный заход «солнца», *couchée* (проще говоря, отход ко сну), церемония, прямо противоположная утреннему пробуждению.

Около полуночи король кормил собак, желал доброй ночи и уходил в свою спальню, где со многими церемониями отходил ко сну. Король снова делал свои дела на том самом стуле, снимал парик, облачался в ночную сорочку и ложился в постель. Хотя он не всегда там оставался, чаще предпочитая нырнуть в потайную дверь, ведущую в соседнюю опочивальню, где появления Юпитера дожидалась одна из его фавориток.

Укладываясь в постель, король все же ощущал некую пустоту в желудке, и, опасаясь, как бы ночью вконец не ослабнуть от истощения, на всякий случай имел под рукой графин с водой, три хлеба и две бутылки вина. Королевский врач Фагон рассказывал, что по ночам Его Величество любил полакомиться холодной дичью и кровавым бараньим жарким.

* * *

Итак, на протяжении всего дня на короля были устремлены восхищенные взоры нескольких тысяч человек, большинству из которых приходилось — если, конечно, они хотели сохранить свой статус — тратить огромные деньги на жизнь при дворе. Им нужно было покупать новые платья, парики, драгоценности и экипажи, участвовать в обязательных политических играх, подкупать особо приближенных к королю придворных, чтобы добиться даже самых малых услуг.

Этикет пробуждал зависть и тщеславие. Придворные стремились сблизиться с теми,

кто был выше по рангу и отличиться от тех, кто стоял на ступеньке ниже. В этих маленьких «придворных войнах» король брал на себя роль третейского судьи: он улаживал ссоры, регламентировал непредвиденные случаи, предписывал правила. Чтобы установить свою власть «мирным путем» и контролировать механизм двора, он жаловал пенсии, вознаграждения, подарки к Новому году, давал свое согласие на покупку и продажу должностей. Это была вежливо навязываемая тирания, диктатура скуки и лизоблюдства, нескончаемая пантомима, разыгрываемая с целью держать в узде потенциально опасную аристократию.

Людовик XIV был полновластным королем, и установленный им этикет символизировал его божественный статус. Никогда еще обожествление монархии не заходило столь далеко. Королевское ложе превратилось чуть ли не в церковный алтарь: у него останавливались даже в отсутствие короля, дабы поклониться ему, как склоняются перед Святыми Дарами. А члены семьи Людовика находились в зависимости — и политической, и материальной, и моральной — от государя. В то же время родственники короля имели определенное влияние, формы которого были различными: назначения и перемещения государственных чиновников всех рангов, дипломатов, придворных, командные посты в армии, участие в дипломатических переговорах.

В 1666 году от рака груди умерла мать Людовика, королева Анна Австрийская. Ее смерть стала жестоким испытанием для короля. Перед самой кончиной, когда Людовик и Мария-Терезия склонились у ее одра, она прошептала: «Совсем дети...» На самом деле им тогда было уже по двадцать восемь лет, и из детского возраста они давно вышли. Особенно смерть королевы Анны оплакивала Мария-Терезия: она теряла своего лучшего друга. Королева Мария-Терезия была дочерью брата Анны и сестры Людовика XIII и приходилась двоюродной сестрой королю по материнской и отцовской линиям. Королева Анна обожала ее и была, возможно, единственным человеком во Франции, кто всегда принимал ее сторону. Мария-Терезия, пышнотелая маленькая блондинка, застенчивая, простодушная, говорившая с испанским акцентом, не пользовалась влиянием при дворе. Однако она вовсе не была глупа: нужно было обладать большой добродетелью, хладнокровием и умом, чтобы смеяться, когда хотелось плакать, когда ей предпочитали красавиц, обязывая ее находиться рядом с ними и улыбаться. Прожив двадцать два года во Франции, большую часть времени она по-прежнему проводила в обществе своей испанской горничной или испанского исповедника и с нетерпением ждала курьеров с родины.

Королевские фаворитки

Король, которого Мария-Терезия, к своему несчастью, любила всю жизнь, не отличался супружеской верностью, и, как писал Александр Дюма, «несмотря на красоту молодой королевы... ни одну минуту не был влюблен в супругу». «Я всем приказываю: если вы заметите, что женщина, кто бы она ни была, забирает власть надо мной и мною управляет, вы должны меня об этом предупредить. Мне понадобится не более двадцати четырех часов для того, чтобы от нее избавиться и дать вам удовлетворение». Так говорил король Людовик XIV своим придворным, стремясь подчеркнуть, что государственные интересы всегда были для него выше личных. «Время, которое мы отдаем нашей любви, никогда не должно наносить вреда нашим делам». Высказав в «Мемуарах» эту мысль, он подчеркнул: «Как только вы дадите свободу женщине говорить с вами о важных вещах, она заставит вас совершать ошибки».

Несмотря на эти заявления, женщины играли важную роль в жизни монарха. Людо-

вик XIV, занимавшийся государственными делами ежедневно, на протяжении всей жизни (после смерти Мазарини, разумеется), и на женщин находил время.

В молодости король часто менял привязанности, однако, щепетильный и внимательный, он щадил чувства матери, никогда не доставлял ей неприятностей и старался держать от нее на почтительном расстоянии свою фаворитку и внебрачных отпрысков. Он знал, что мать переживала за него и опасалась, как бы он не попал под женское влияние. Поэтому на протяжении двадцати лет после смерти Мазарини Людовик XIV всегда старался держать свои любовные связи в большом секрете и в течение всей жизни королевы проводил все ночи в ее спальне. Предосторожность, которую он проявлял, прибегая к секретности и неопределенности, была связана не только с отношением к матери: она должна была символизировать, а также предохранять королевскую свободу. Мадам де Севинье, которая всегда была в курсе придворных дел, терялась в догадках, пытаясь вычислить имя (с 1667 по 1680 год) избранницы монарха, определить дату, когда ее предшественница впала в немилость.

Поэтому современным историкам, как и мадам де Севинье, трудно установить точный список и строжайшую хронологию любовных связей Людовика XIV. Историки даже расходятся во мнении, сколько у Людовика было официальных фавориток, пятнадцать

или шестнадцать. Число побочных детей также подсчитать сложно, хотя потом король признал более десяти внебрачных детей¹. В то время как все дети любви скрывались, и все интимные свидания устраивались крайне конфиденциально, дружеская и куртуазная стороны связей не маскировались королем.

Каждая из королевских фавориток имела официальное положение при дворе. Вместе с Людовиком XIV молились его законная и незаконная семьи. Стоило распространиться слуху, что Его Величество обратил свой взор на какую-то очаровательную даму, как ей начинали оказывать знаки внимания. Придворные вставали, когда она входила и выходила. Содержание фавориток дорого обходилось государственной казне. Сластолюбивый монарх одаривал возлюбленных дворцами, поместьями, землями, драгоценностями, деньгами. Их просьбы безропотно удовлетворяли министры и другие государственные чиновники. Даже отвергнутые фаворитки до конца жизни пользовались королевскими милостями.

В марте 1661 года брат Людовика, герцог Орлеанский, женился на дочери английского

---

¹ Признанные королем дети получали титулы герцогов и графов, занимали генеральские и адмиральские должности. Все они обладали большими личными состояниями, вступали в браки с отпрысками самых известных аристократических семей Франции и Европы.

короля Карла I, Генриэтте. Сначала король проявил живейший интерес к невестке и стал часто навещать ее во дворце Сен-Жермен, но потом увлекся ее фрейлиной — семнадцатилетней Луизой де Лавальер, ставшей первой официальной фавориткой короля. По словам современников, эта девушка, одаренная живым и нежным сердцем, была очень мила, но едва ли могла считаться образцовой красавицей. Она немного прихрамывала и была чуть-чуть рябовата, но имела прекрасные голубые глаза и белокурые волосы. Любовь ее к королю была искренней и глубокой. По словам Вольтера, она доставила Людовику редкое счастье почувствовать, что он был любим только ради себя самого. Впрочем, и король испытывал к Луизе сильное чувство. В подтверждение этого ссылаются на множество случаев. Так, однажды во время прогулки разразилась гроза, и влюбленный двадцатидвухлетний король и нежная семнадцатилетняя Луиза укрылись под деревом. Они тесно прильнули друг к другу под тем предлогом, что идет дождь и, чтобы защитить девушку от его капель, прекрасный принц своей шляпой прикрыл ее головку. Для обычных людей такой милый поступок со временем превратился бы в трогательное воспоминание. Однако поскольку действующим лицом был король, идиллическая сценка имела резонанс, равный политическим событиям, и была внесена в анналы царствования. Впавшие в восторг живописцы и граверы изобразили это чуть

ли не как героический подвиг, и по сию пору этот сюжет фигурирует в описаниях историков.

Чтобы побыть рядом с избранницей, Людовику приходилось наряжаться пастушком, а его возлюбленной — пастушкой, и тогда на глазах четырех или пяти тысяч зрителей, не упускавших ни малейшего их жеста, они получали возможность протанцевать несколько па. Ему приходилось устраивать карусели, балеты, кавалькады из пятисот всадников, заказывать Мольеру пьесы, Люлли² — музыку, и все для того, чтобы выказать свою любовь. Конечно, эти двое все же имели счастливые моменты уединения; вряд ли Луиза четырежды стала бы матерью, если бы лишь красовалась на сцене в компании богато украшенной овечки и с пастушеским посохом розового дерева в руках. Но какой ценой пришлось оплатить ей эти немногие часы тайного блаженства!

Молодая женщина искренне любила Людовика, не преследуя далеко идущих эгоистичных целей. Она ничего не просила у короля, но и от его даров не отказывалась. Она получала крупные суммы от Кольбера и тратила деньги быстро и безрассудно. Фаворитка любила драгоценные камни и скупала их

---

² Жан-Батист Люлли (1632–1687) — французский композитор, скрипач, дирижер, создатель французской национальной оперы, один из ведущих представителей музыкальной культуры французского барокко.

в большом количестве у герцогини Мазарини. Всеми делами фаворитки занимался генеральный контролер финансов Кольбер. Когда Людовик XIV находился в армии, министр пересылал ему письма его возлюбленной, глубоко несчастной потому, что искренне полюбила не просто мужчину, а короля. Когда Луизе предстояли роды, Кольбер делал все необходимые приготовления. Прежде всего он заботился о том, чтобы к участию привлекались только надежные люди, чтобы случившееся осталось в тайне. По поручению короля Кольбер купил для Лавальер имение Вожур в Ренси, к северо-востоку от Парижа, стоимостью в 800 тысяч ливров. Неизвестно, посещала ли когда-либо мадемуазель де Лавальер принадлежавшие ей владения, но она стала герцогиней Вожур.

Ничто не вечно под луной... В 1666 году придворные стали замечать признаки охлаждения короля к «хромоножке из Тура». Появилось новое увлечение — маркиза де Монтеспан. А 30-летняя Луиза де Лавальер из жизни мирской ушла в монастырь кармелиток, где получила новое имя, сестра Луиза-Милосердие. В монашеской келье она провела тридцать шесть лет, больше половины жизни.

Франсуаза Монтеспан происходила из знаменитого аристократического рода Рошешуар. Эта полная, светловолосая, с голубыми глазами дама была личностью незаурядной. Она была умна, образованна, язвительна,

и ее злого языка боялись, ведь она не щадила никого, лишь бы развлечь и заинтересовать Людовика XIV. Гордая аристократка, покровительствовавшая литераторам, прославлявшим царствование Людовика XIV, она, кажется, предвосхищала меценатку маркизу де Помпадур. В то же время в Монтеспан было много детского, ребяческого. Например, она могла запрячь шесть мышей в изящную маленькую карету. У нее были свои козы, о которых она заботилась.

Король был очень привязан к своей фаворитке. В отличие от Луизы Лавальер, Монтеспан была замужней дамой, и Людовик даже оказывал протекцию и продвигал по службе законного сына маркиза и маркизы де Монтеспан.

Людовик XIV не жалел денег на свою фаворитку, которая на протяжении многих лет оставалась нетитулованной королевой Франции (при этом за это время у Людовика были и другие романы, более или менее серьезные).

Кольбер приобретал для нее дорогие серьги, браслеты, бриллиантовые колье. Недалеко от Версаля, в Кланьи, для нее построили дом, но она заявила, что такое помещение годится только для певички из оперы. Здание сломали и по плану архитектора Мансара построили большой дворец.

Связь с маркизой де Монтеспан продолжалась шестнадцать лет. С 1667 по 1681 годы она родила восемь детей, из которых четверо

достигли зрелого возраста³. Королю были очень дороги дети, родившиеся от любимой женщины. Он не только любил, он лелеял этих детей, обеспечивал им блестящее будущее. Более того, он хотел, чтобы обе линии его потомства — законная и незаконная — стремились бы к единению.

Если подданные Короля-Солнце прощали ему любовные увлечения, то историки порой относились к его страстям гораздо строже, связывая «царствование» маркизы де Монтеспан с таким громким скандалом, как «дело об отравлениях», которое сильно взбудоражило публику в 1679 году.

Маркиза оказалась втянутой в «дело о ядах», и над ней нависла угроза обвинения в покушении на жизнь короля. Арестовали нескольких «колдуний» и раскрыли настоящий вертеп убийц-отравителей. Замешанными в уголовной истории оказались племянницы Мазарини, графиня Суассон, герцогиня Буйон, маршал Люксембург, многие придворные, крупные чиновники. Главную преступницу Вуазен сожгли 22 февраля 1680 года. В этот день Мольер остался без зрителей:

---

³ Как писал А. Дюма, поскольку Монтеспан стыдилась или делала вид, что стыдилась своих беременностей, она изобрела новую моду, весьма полезную для женщин, желающих скрыть до времени свое «интересное положение»: дамы одевались как мужчины с сохранением юбки, поверх которой на месте пояса вытягивалась рубашка со множеством складок.

все отправились смотреть публичную казнь, ставшую редким явлением. Правовая палата отправила на костер еще 36 человек.

Современные историки и юристы заново изучили документы той эпохи, и многие обвинения в адрес Монтеспан отпали. У маркизы не было преступных намерений в отношении короля, не замышляла она и убийств своих соперниц. Но Франсуаза посещала Вуазен и присутствовала на ее колдовских сеансах.

Как все это воспринял король? Он был, конечно, напуган, и ему надо было как-то прекратить это трудное «дело», ведь в его отношениях с маркизой Монтеспан духовная близость играла не меньшую роль, чем чувственность. По мнению историка Франсуа Блюша, если бы Людовик действительно поверил в виновность фаворитки — в ее намерение совершить убийство и в ее участие в черных мессах, — он не ждал бы целых одиннадцать лет (с 1680 по 1691 год), чтобы подтолкнуть ее покинуть двор. Поэтому королевская немилость, осуществленная столь деликатным образом, не бросалась в глаза и позволяла Монтеспан, в 1683 году лишившейся статуса официальной фаворитки, сохранять видимость расположения Людовика XIV.

Последние годы жизни Монтеспан провела в одиночестве, вымаливая прощение у Бога, измучивая себя постами и молитвами. Во искупление грехов она носила подвязки и пояс с железными гвоздями. Ее постоянно терзал страх смерти и ада. Монтеспан

умерла в 1707 году в возрасте 66 лет. До этого она просила мужа о прощении, хотела вернуться к нему. Но маркиз ответил, что и слышать не хочет о бывшей супруге.

Судьба жестоко наказала маркизу Монтеспан: она сама познакомила короля с будущей соперницей, мадам д'Обинье. Франсуазе д'Обинье, вошедшей в историю под именем маркизы де Ментенон, казалось бы, ничто не предвещало стать тайной супругой Людовика XIV. Она родилась 27 ноября 1635 года в Ниоре в небольшом домике рядом с тюрьмой, где ее отец когда-то отбывал наказание за неуплату долгов. Ее дедом был один из героев Религиозных войн во Франции гугенот Агриппа д'Обинье, о котором говорили, что он поэт и разбойник, смелая шпага и быстрое перо. Детство она провела на Мартинике, воспитывалась сначала тетушкой-протестанткой, потом тетушкой-католичкой, жила в монастыре. Шестнадцати лет от роду ее выдали замуж за 42-летнего бурлескного поэта Поля Скаррона, кривляющегося шута, прикованного к постели по причине ревматизма. После смерти бедняги Скаррона тихую, умную вдовушку, умеющую привлечь внимание обольстительным шармом и приятной беседой, замечает мадам Монтеспан, подыскивавшая гувернантку для своего первого ребенка от короля. Так Франсуаза Скаррон стала наставницей побочных детей короля.

Король, очень любивший своих детей, долгое время не обращал внимания на их

воспитательницу, но однажды, беседуя с маленьким герцогом Мэном, он остался очень доволен его меткими ответами. «Государь, — ответил мальчик, — не удивляйтесь моим разумным словам: меня воспитывает дама, которую можно назвать воплощенным разумом». Этот отзыв заставил Людовика более внимательно взглянуть на гувернантку сына. В конце концов он стал находить общество Франсуазы неизъяснимо приятным: в нем он отдыхал от капризов своей фаворитки.

Так началось медленное и осторожное восхождение госпожи д'Обинье: она не желала быть просто мимолетным увлечением, ей нужны были все знаки королевской любви. Она знала, как стать желанной, а зрелый возраст придавал ее прекрасным бархатистым глазам и улыбке особый шарм. В 1674 году король пожаловал ей поместье Ментенон, в 40 км от Версаля, в районе Шартра, с правом носить это имя и титул маркизы. С тех пор мадам Ментенон начала борьбу за сердце короля и с каждым годом все сильнее прибирала Людовика к своим рукам.

Года два она «героически» сопротивлялась притязаниям Людовика и уступила только тогда, когда убедилась, что король влюблен в нее. В 1678 году, когда Монтеспан вернулась с курорта Бурбон-л'Аршамбо (в 289 км от Парижа), где она находилась несколько месяцев, место, которое ей ранее принадлежало, уже прочно заняла соперница.

Ментенон порой называют «самой непризнанной королевой Франции». Она была очень расчетливой, продумывала каждый свой шаг, и даже набожность ее была обдуманной. Не лживая, но очень осторожная, не вероломная, но готовая пожертвовать своими друзьями, свободная от всякого рода соблазнов.

Даже к здоровью короля Ментенон относилась внимательно, прежде всего потому, что думала о собственных интересах. Летописец эпохи герцог Сен-Симон замечал, что она следила за каждым шагом Людовика XIV и особенно большое значение придавала его врачам. Именно Ментенон добилась изгнания из Версаля придворного медика д'Акена и назначения на его место Фагона. Фагон, по словам Сен-Симона, «принадлежал к числу блестящих и сильных умов Европы; любознательный ко всем вопросам, имеющим отношение к его ремеслу, он был выдающимся ботаником, хорошим химиком, искусным и знающим хирургом, отличным врачом, замечательным практиком». Правда, такая высокая оценка не спасает средневековую медицину от заслуженной критики.

Отношения между королем и новой фавориткой складывались необычно. Интимная жизнь короля претерпела перемены. Франсуаза не обладала достоинствами молодости и была на три года старше Людовика XIV. «Французский король — противоположность другим государям: у него молодые министры

и старая любовница», — говорил Вильгельм Оранский.

Перемены в жизни Ментенон произошли после смерти королевы Марии-Терезии 31 июля 1683 года. Незадолго до ее смерти Людовик отказался от греховных утех и всецело посвятил себя королеве. Больше он никогда не покидал ее постель, которой, похоже, пользовался преимущественно для сна. Ходил слух, что царственная чета занималась любовью по меньшей мере два раза в месяц. Это становилось известно всем, поскольку на другой день королева обязательно шла причащаться.

Когда королева осознала, что наконец вернула себе супруга, радости ее не было предела. Она не ревновала короля к госпоже Ментенон, напротив, испытывала к ней благодарность, считая, что именно ей обязана таким поворотом событий. В знак признательности супруга короля подарила его подруге свой портрет в бриллиантовой оправе. Но счастье королевы длилось не более года. В мае 1683 года Людовик отправился с инспекцией к восточным границам. Королеву сопровождала мадам Ментенон. Подобные путешествия женщины Людовика XIV ненавидели (но еще больше боялись отлучения от них) из-за многодневной, изнурительной тряски в каретах или верхом на лошадях во время маневров (что было еще хуже) и необходимости мириться с отвратительными условиями проживания. На этот раз вояж длился с 26 мая по 30 июля.

К моменту возвращения домой королева была вконец измотана, к тому же у нее под мышкой развился абсцесс. В начале болезни она испытывала лишь недомогание. Королевский лекарь Фагон предложил сделать кровопускание, хотя хирург был категорически против. В полдень Фагон дал Марии Терезии лошадиную дозу рвотного. Придворные, находившиеся в Зеркальной галерее, видели, как мимо них промчался весь в слезах король. Он бежал в часовню за последним причастием для королевы. Необычная сцена потрясла и смутила свидетелей. Час спустя Мария-Терезия скончалась на руках мадам де Ментенон. Ей было сорок пять лет. «Бедная женщина, — сказал король, — это единственный раз, когда она доставила мне неприятности».

Король, казалось, был потрясен смертью жены. В это трудно было поверить, хотя во имя собственного престижа внешне Людовик XIV соблюдал приличия, изображая нежного супруга. И Мария-Терезия была вынуждена любезно относиться к фавориткам мужа, принимать их у себя. Людовик не только полностью подчинил себе жену, но и бесконтрольно распоряжался ее личным состоянием. Когда закончилась церемония похорон, были описаны драгоценности королевы. Их общая сумма составила 514 тыс. ливров, — на 424 тыс. меньше, чем было на момент свадьбы: Людовик XIV раздаривал драгоценности жены фавориткам.

После смерти Марии-Терезии что-то надломилось в сознании Людовика. Король, устав от развлечений, преисполнился религиозного страха, боялся небесного наказания за земные грехи. Впрочем, большинство современников полагали, что Людовик XIV из одной крайности перешел в другую и от распутства обратился к ханжеству. К религии король относился как большой и смысленный ребенок. Он хорошо разбирался в вопросах теологии, соблюдал ритуалы и старался не грешить, но смирение, самокритика и чистосердечное раскаяние были выше его понимания.

Монарх, вдруг ставший богобоязненным, решил жениться на Ментенон. Когда именно они поженились, историки спорят. После смерти короля мадам Ментенон сожгла все брачные документы. Их секрет строго хранили все немногочисленные участники брачной церемонии, которая состоялась, по всей видимости, в крохотной часовне королевских покоев в Версале в ночь с 9 на 10 октября 1683 года. Венчал рабов божьих духовник короля Лашез. Присутствовали военный министр Лувуа, архиепископ Парижа Арле де Шамваллон, первый лакей Его Величества Бонтан. Вскоре для Ментенон отвели комнаты в Версальском дворце напротив апартаментов короля. Современники Людовика XIV так и не узнали, был ли он действительно женат на мадам де Ментенон. Король имел привычку обращаться к своим подданным по

имени и титулу, но с некоторых пор он стал называть маркизу де Ментенон «мадам». Так в свое время он именовал королеву.

Новый режим, введенный королем и приписываемый влиянию мадам де Ментенон, создал в Версале атмосферу подавленности. Под влиянием Ментенон король отказался от всяких любовных связей и стал вести более умеренный образ жизни. Появился свод новых правил и регламентаций. Так, во время Великого поста запрещались постановки пьес и опер. Само существование театра стояло под вопросом. Разговоры и смешки во время обедни теперь строго порицались. Король, сидевший в своей маленькой ложе, расположенной над головами паствы, был не настолько поглощен молитвой, чтобы не замечать, что происходило вокруг. Он также не оставлял без внимания, когда кто-то отлынивал от исполнения пасхальных обязанностей, всегда посылал за отсутствующими и строго их отчитывал. Сам король старался служить примером праведной умеренности. Впрочем, нравы в Версале остались прежними, просто, опасаясь гнева короля, придворные трусливо скрывали то, что раньше демонстрировали открыто и нагло.

Как бы то ни было, в старости король совершенно оставил шумные сборища, праздники и спектакли. Их заменили проповеди, чтение нравственных книг и душе-спасительные беседы с иезуитами. Это привело к тому, что влияние мадам Ментенон на

государственные и особенно религиозные дела стало огромным, но было не всегда благотворным.

Играла ли Ментенон политическую роль? Ответы на этот вопрос даются различные, порой взаимоисключающие. Ментенон фактически была доверенным лицом короля. Она была в курсе многих дел и событий, не претендуя на открытое руководство ими. Маркиза часто останавливалась на полпути не потому, что встречала непреодолимые препятствия, а из-за собственной нерешительности. Однако Ментенон умело «работала» с нужными ей людьми. После ее смерти осталось около 80 томов писем, из которых к концу XVIII века сохранилось 40 томов. Маркиза переписывалась с известными людьми Франции — принцами, герцогами, графами, генералами и адмиралами, со многими аристократами и аристократками, оказывавшими влияние на политику страны. Она стремилась окружить себя сторонниками и друзьями. Среди них были влиятельные при дворе люди — маршал Аркур, герцоги Буффле и Вилеруа, граф Тессе. Они с помощью своей высокой покровительницы определяли назначения на высшие посты в армии, в дипломатическом ведомстве и государственном аппарате, были в курсе политических и военных событий. Разумеется, все эти люди отвечали ей взаимностью.

Маркиза принимала только в назначенный день и час. Посетителям отводились

считанные минуты: ни для кого не делалось исключения. Даже самые близкие к Ментенон люди не допускались дальше порога ее передней, переступив который она немедленно прерывала разговор. Все вопросы решались на ходу: при выезде маркизы из Версаля или во время ее возвращения домой.

Утро фаворитки начиналось рано и проходило в беседах с посетителями. Часто встречалась с руководителями ведомств, реже — с командующими армиями, если они хотели сообщить ей какие-нибудь сведения. Уже в 8 часов утра Ментенон направлялась к тому или иному министру, обычно к военному или финансов.

В апартаментах Ментенон Людовик XIV работал, а его супруга читала или вышивала. Присутствующие говорили громко. Ментенон делала вид, что поглощена чтением или вышиванием, но ничто не ускользало от ее внимания. Маркиза редко высказывала свое мнение. Король сам советовался с ней. Ответы всегда были сдержанные. Она никогда не проявляла заметного, видимого интереса к тому или иному событию или лицу.

Главное состояло в том, что у Ментенон имелся свой собственный метод воздействия на решение государственных дел. Маркиза заранее договаривалась по тому или иному вопросу с заинтересованным министром. Ей, как правило, не перечили. Ментенон извещала министра, что она хочет с ним

предварительно поговорить, и тот ждал, иногда задерживая решения, и до встречи с королевой не докладывал о деле Людовика XIV. Затем министр, например, представлял королю список кандидатов на должность. Иногда сам Людовик останавливался на том, кого уже «назначила» Ментенон. В этом случае обсуждение немедленно прекращалось. Если выбор монарха падал на другого человека, не одобренного предварительно его супругой, министр предлагал рассмотреть весь список. При этом специально называлось несколько имен. Король расспрашивал докладчиков, нередко колебался, интересовался мнением Ментенон. Она улыбалась, произносила несколько слов о ком-нибудь другом, затем возвращалась к уже названному кандидату, то есть «нужному» человеку, и дело решалось. Таким же образом Ментенон добивалась для «своих людей» наград и назначений. При ее косвенном участии решались до трех четвертей всех вопросов, рассматриваемых королем. Умело поставленный спектакль повторялся изо дня в день, а король не подозревал о тайном сговоре.

Вот почему при дворе придавали такое большое значение беседам Людовика XIV с его приближенными в покоях Ментенон. Фактически все министры зависели от нее, и с ее помощью укрепляли свою власть.

Политика и религия всегда были для Ментенон взаимосвязаны. Правда, искренность

ее веры сомнительна. Она лишь внешне проявляла религиозное рвение, оставаясь в помыслах и в поступках мелочной, суетной, тщеславной и корыстной.

Ментенон не хотела быть официально причастной к политике преследований протестантов. Но она была в курсе подготовки к отмене Нантского эдикта в октябре 1685 года, одобрила запрет на свободу совести. Герцог Ноай признавал, что маркиза принимала, «может быть, чрезмерное» участие в осуществлении планов принудительного обращения гугенотов в католическую веру. Это не мешало Ментенон неоднократно отмечать в своих личных письмах, что следует «завоевывать гугенотов добротой» и не прибегать к жестоким мерам.

Отмене Нантского эдикта предшествовала шестилетняя кампания правительственных предписаний, планомерно вытеснявшая гугенотов из многих сфер общественной жизни, от придворных должностей до профессии акушерки. В 1685 году дело дошло до массовых обращений в католичество посредством печально известных «драгонад»: у гугенотов размещали на постой драгун, те вели себя с солдатской бесцеремонностью, и хозяева, дабы избавиться от постояльцев, были вынуждены становиться католиками. В соответствии с эдиктом, подписанным в Фонтенбло 18 октября 1685 года, протестантам позволялось остаться во Франции, но запрещалось публично совершать свои

богослужения по всей стране (кроме недавно присоединенного Эльзаса) и воспитывать детей в кальвинистской вере. Пасторам надлежало немедленно уехать из Франции, рядовым же протестантам эмиграция была запрещена под страхом отправки на галеры. Но помешать гугенотской эмиграции было невозможно, и многие уехали еще до эдикта. Двести тысяч гугенотов предпочли изгнание этому унижительному условию. Многие из них бежали с военной службы. В ходе массовой эмиграции из Франции было вывезено 60 млн ливров. Торговля пришла в упадок, а в неприятельские флоты поступили на службу тысячи лучших французских матросов. Политическое и экономическое положение Франции, которое в конце XVII века и так было далеко не блестящим, ухудшилось еще больше.

Борьба с «ересью» требовала воспитания дворянства в католическом духе. С этой целью Ментенон создала в 1686 году учебное заведение для девушек из небогатых дворянских семей. Находилось оно в Сен-Сире, неподалеку от Версальского дворца. При Наполеоне I в 1808 году здесь разместилась военная школа. От учебного заведения для аристократок до школы для офицеров — такой путь прошло знаменитое здание Сен-Сира. В институте обучались и жили 250 дворянок. Все было обставлено с большим вкусом: тщательно окрашенные, сверкающие чистотой учебные классы, спальни, скромная,

но удобная мебель, на стенах — географические карты.

Ментенон проводила много времени в Сен-Сире. Она приезжала туда рано утром, а заканчивала работу поздно вечером. Маркиза сама учила девиц орфографии, истории, литературе, читала специальный курс по вопросам воспитания детей. Директриса была женщиной дотошной, и на кухне она лично пробовала еду, приготовленную воспитанницам.

История только через сто семьдесят лет после смерти Ментенон, уже во время Французской революции, поставила ее в один ряд с членами королевской семьи, похороненными в базилике Сен-Дени в Париже: их прах одновременно был развеян по ветру восставшими парижанами. В этот день к основательнице Сен-Сира отнеслись как к королеве.

Жизнь за пределами Версаля

Версаль был своеобразной витриной жизни французского королевства, «выставкой достижений французского народного хозяйства». В витрине всегда представлено самое лучшее. Но это не означает, что и остальная Франция жила именно так. Все это великолепие и безумную роскошь необходимо было оплачивать. И платить по версальским счетам приходилось податному, третьему сословию, то есть рядовым французам, основную часть которых составляли крестьяне. Именно эксплуатация 15 млн крестьян являлась главным источником пополнения бюджета. Уровень их жизни был низким, смертность — высокой. Во Франции из 100 новорожденных 25 умирали в возрасте до одного года, 25 не доживали до 20 лет, 25 человек смерть уносила в возрасте от 20 до 45 лет и только 10 доживали до 60.

Такое положение неизбежно порождалось рядом факторов: недостаточное питание, неблагоустроенное жилье, непосильный труд. Маршал Вобан, крупнейший военный строитель, специально изучавший социально-

экономические проблемы страны, писал, что в 1698 году одну десятую часть населения страны составляли нищие; пять десятых не были в состоянии подать милостыню; три десятых увязли в долгах и в судебных исках. И только одна десятая — 100 тыс. семей являлись обеспеченными (дворяне, духовенство, военные, судебские чиновники, крупные торговцы).

Одной из причин разорения крестьян были очень низкие цены на зерно. Откуда было брать деньги крестьянину? Он и его семья постоянно недоедали, жили в трудных условиях. Жилища бедняков не имели стекол. Даже самая простая и грубая мебель была редкостью. Вместо шкафов использовали сундуки, а спали на общих кроватях. Употребляли в пищу много хлеба, который пекли сразу на неделю. Крестьянский суп готовили из яиц, молока и сахара — наполовину бульон, наполовину легкое преддесертное блюдо.

Голод был частым гостем в деревне. Ели траву, каштаны, корни деревьев. Крестьяне не давали увозить хлеб из амбаров для нужд армии, грабили склады с мукой и зерном. Народные волнения вызывались налогами, тяжесть которых систематически росла. «Сбор налогов с каждым днем становится все затруднительнее и затруднительнее. Бедствия делают население в некоторых округах таким буйным, что обычные сборщики не желают работать. Они боятся крестьян, испытывают

опасения за себя. Я решил пользоваться военной силой; сюда как раз прислан на постой драгунский полк», — писал генеральному контролеру интендант из Монтобана. Но произошло непредвиденное — офицеры отказались выполнять карательные функции.

Кольбер отдавал себе отчет в том, что репрессиями и узаконенным грабежом нельзя было подчинить крестьянство. Поэтому в 1663 году были объявлены неприкосновенными скот и сельскохозяйственные орудия. Принимались меры для прогресса сельского хозяйства: закупали испанских баранов для улучшения породы, распространяли высокопродуктивные семена, поощряли посевы таких технических культур, как лен, конопля, табак, внедряли питомники тутовых деревьев, создали новые конские заводы в Нормандии и Пуату. Возникла лесная администрация, которая в соответствии с принципами Кольбера начала свою деятельность с учета и описи всех лесов в стране.

Крестьяне-налогоплательщики представляли в своей совокупности основу финансовой системы французской монархии. Но в ней не было четкости и слаженности. Ее разъедала хищная коррупция. И министр объявил войну расхитителям. Чрезвычайный суд рассматривал не только «дело Фуке», но и финансовые злоупотребления, совершенные на протяжении нескольких десятилетий. В тюрьме оказались многие интенданты и финансисты. Одним из них — Дюмона

повесили перед Бастилией. Такая же судьба постигла и сборщика налогов в Орлеане.

В общей сложности 500 человек понесли наказание. Некоторые из них внесли в казну по 2–3 млн ливров. В итоге «собрали» богатый «урожай» в 110 млн ливров — сумму, равную доходам государственной казны за полтора года. Часть этих денег — минимум 15–16 процентов — получили «доносчики», разоблачившие нечестно нажитые состояния.

Воровали у государства и дворяне-самозванцы, присвоившие себе дворянское звание. И на них повел наступление Кольбер. В 1664 году он провел переаттестацию дворянства. Она имела существенное финансовое значение. Дворяне не платили прямой налог — талью. Были аннулированы все дворянские грамоты, выданные после 1634 года. Многие узурпаторы сословных привилегий присвоили их в связи с выполнением иногда совершенно незначительных официальных функций (сбор соляной подати и др.). Самозванцы внесли в казну 2 млн ливров штрафов. Они становились и плательщиками тальи. Общая численность дворянства сократилась на 40 процентов.

Однако главными расхитителями государственных средств являлись Людовик XIV и его семья. Чего стоили одни королевские дворцы! С 1661 по 1710 годы затраты на их строительство, на произведения искусства составили: в Версале и его окрест-

ностях — 117 млн, в Фонтенбло — 2,8 млн, в Лувре и Тюильри — 10,6 млн, в Шамборе — 1,2 млн. А лошади Его Величества? Две конюшни короля обошлись более чем в 3 млн ливров. На содержание 512 слуг королевы казна выплачивала 466 тыс. ливров. Дорогие подарки, стоившие непостижимых денег, редчайшие драгоценности, роскошные праздники, пиры и приемы, пожизненные пенсии придворным и администраторам, военным — на все требовались огромные деньги.

В одном лишь 1685 году король купил бриллиантов на 2 млн ливров. Расплачиваться пришлось военному флоту Франции: его бюджет урезали на 4 млн ливров. В это же время вышла замуж побочная дочь короля мадемуазель Нант. Любящий отец порадовал молодых супругов щедрыми дарами: миллион ливров наличными, драгоценности, 100 тыс. ливров ежегодной пенсии — безграничная щедрость!

Людовик оплачивал расходы сына (ежемесячно 50 тыс. ливров уходило на одни развлечения), внуков, брата и других членов семьи, свои собственные «карточные» утехы, фантастические проигрыши жены и фавориток. Все тайные и явные каналы, по которым совершенно бесконтрольно, по воле короля, утекали государственные деньги, просто невозможно перечислить.

И аристократам жизнь при дворе обходилась безумно дорого. Двору Людовика XIV

были свойственны все пороки французской и европейской аристократии. Увлечение азартными играми трудно назвать иначе, чем безумием. Проигрывали не только имения и состояния — саму жизнь. Другое зло — алкоголизм, истреблявший и мужчин, и женщин. Герцогини пьянствовали в обществе лакеев. Принцы крови проводили ночи в парижских кабаках и утром возвращались пьяные в Версаль. В «моде» был гомосексуализм. Дурной пример подавал брат короля — герцог Орлеанский. Ярко накрашенный, в «мушках», обвешанный драгоценностями, он бросал нежные взгляды на молодых мужчин — предметы своего обожания.

Кольбер говорил и писал Людовику XIV, что из года в год росли его расходы на питание, лошадей, прислугу, на многочисленные празднества и торжества. Министр подчеркивал, что в прошлом монархи «никогда не несли расходов, не являющихся необходимыми». При этом для Кольбера такие обращения были весьма смелым поступком. Будучи на двадцать лет старше короля, он относился к монарху с благоговейным трепетом. Выезжая из своего загородного дома, этот влиятельный и властный человек, державший в страхе всю Францию, брал с собой в парк кусочек хлеба и бросал его через канал. Если хлеб падал на другой стороне, это означало, что Людовик будет в добром расположении духа, если хлеб падал в воду, Кольбер не сомневался — грозы не миновать.

Но, увы, финансовая дисциплина была незнакома Его Величеству. Тем не менее, Кольбер пытался придать видимость законности оформлению государственных расходов. Счет подписывал государственный секретарь, по ведомству которого тратились деньги. Затем требовалась виза генерального контролера финансов, определявшего фонд, за чей счет давались ассигнования.

Несколько лет Кольберу удавалось сводить концы с концами, иметь сбалансированный бюджет. Но войны пожирала и средства, и людей. Поэтому стабильность ливра являлась одной из целей политики генерального контролера, и ему это удавалось. Было запрещено использование мелких медных монет, иностранных и выпускавшихся на присоединенных к Франции территориях, сурово наказывали фальшивомонетчиков.

Однако через несколько лет после смерти Кольбера наступил конец денежной стабильности. Рубежом стал 1689 год, когда были сделаны первые попытки введения бумажных денег. Государство прибегало к займам. Но остановить процесс инфляции было невозможно: это не позволяли сделать дорогостоящие войны. В итоге в 1715 году, ко времени смерти Людовика XIV, стоимость ливра упала с 8,33 граммов чистого серебра до 5,33 граммов.

Кольберу не удалось избежать и финансового дефицита. Уже в год его смерти для равновесия бюджета не хватало 6 млн ливров.

Трудно представить себе иное положение в финансовой сфере, ведь Людовик XIV и его министр пытались примирить непримиримое: огромные расходы на войны и экономическое развитие страны.

Просчетов у генерального контролера было много. Всю хозяйственную жизнь страны он загнал в капкан мелочной регламентации. Промышленность ориентировалась на выпуск предметов роскоши для двора, то есть на ограниченную клиентуру. Но суть экономических и финансовых трудностей королевства заключалась в ином. Решающей причиной являлась узость внутреннего рынка Франции, обусловленная бедностью крестьянства, доходы которого во времена Кольбера катастрофически упали. Сложилась и неблагоприятная для Европы международная деловая конъюнктура, особенностями которой являлись депрессия и низкие цены. И в этих сложных условиях генеральный контролер уделял постоянное внимание развитию внешней торговли Франции, для которой, по его мнению, главную опасность представляла Голландия. 57 статей таможенного тарифа 1667 года предусматривали удвоение сборов с иностранцев. Это был тяжелый удар по интересам голландских торговцев. Настолько тяжелый, что войну с Францией в Гааге считали неизбежной.

В 1664 году начали действовать компании «Восточной Индии» (территория современной Индонезии) с исключительным правом

торговли на гигантских просторах от мыса Доброй Надежды до Магелланова пролива и «Западной Индии» (так называл Христофор Колумб Америку), осуществлявшей торговые связи между Нантом, Сен-Мало, Бордо, Сенегалом и островами (Гаити, Сен-Кристофер, Гваделупа, Мартиника). Объектами коммерции были чернокожие рабы и сахар.

Компаниям уделяли большое внимание в Версале. Король, королева, принцы участвовали в их финансировании. Но дворяне относились к новшествам с недоверием. Их не соблазняли ни перспективы больших доходов, ни подвиги миссионеров, обращавших местное население в католическую веру.

Торговые компании, основанные Кольбером, не принесли ему славы. «Западная Индия» прекратила свое существование уже в 1674 году, «Восточная Индия» отказалась от торговли с Цейлоном, Мадагаскаром, а в 1682 году и от своих монопольных прав. Были распущены и компании Севера и Леванта. Два десятилетия просуществовала компания Сенегала, возникшая в 1673 году. Она получила право монопольной торговли чернокожими на африканском побережье. Однако ни одна из компаний, созданных Кольбером, не добилась стабильности и эффективности. Администраторы некоторых из них встали на путь мошенничества, преследуя только одну цель — скорейшее обогащение. В марте 1672 года в письме директору компании Леванта Кольбер выражал

изумление в связи с тем, что она отправила в Португалию фальшивую золотую и серебряную парчу.

История с парчой не являлась исключением. Компании злоупотребляли своим монопольным положением. Они занимались контрабандой, нарушали регламентацию в производстве товаров. Жесткое официальное регулирование деятельности мануфактур подавляло самостоятельность, личную инициативу предпринимателей. К концу жизни Кольбер понял это. 6 января 1682 года Совет разрешил свободную торговлю в Восточной Индии при условии, что частные лица будут перевозить свои товары на кораблях компании и продавать их в ее магазинах. В общем, эксперимент Кольбера не удался. Seriously потеснить голландцев в сфере международной торговли французы не смогли. Но там, где не преуспели коммерсанты, обогащались рыцари морского разбоя.

Каков же общий итог деятельности Кольбера? Споры по этому поводу не прекращаются вот уже более трех столетий. Одни считают министра финансовым и экономическим гением, другие — ограниченным сторонником административно-командной системы, жрецом политики протекционизма. Бесспорно, Кольбер был выдающимся государственным деятелем своей эпохи. Сменив Фуке на посту главы финансового ведомства, он занялся прежде всего поисками новых источников доходов, уменьшением государственного

долга и формированием сбалансированного бюджета. Финансист стремился расширить круг налогоплательщиков, увеличить поступления от королевских владений, лишить привилегий многочисленных дворян-самозванцев.

Помогал ли ему хоть кто-нибудь в решении грандиозных задач? По обеим сторонам версальского дворца расположены два весьма скромных одноэтажных здания, называемые Министерскими крыльями. Здесь во времена Кольбера помещалась вся государственная администрация: он хотел, чтобы «величие результатов контрастировало с малостью средств». В морском ведомстве, например, весь штат составляли главный секретарь и семь-восемь канцелярских служащих.

И этот персонал совершал чудеса. Во Франции не существовало флота, благодаря усилиям Кольбера через десять лет страна уже обладала сотней судов, шестьюдесятью сотнями моряков, Брестом, Тулоном, Рошфором, Дюнкерком; Шербур находился в процессе строительства; появилась плеяда искусных французских инженеров-кораблестроителей.

Характерно, что ни один из хроникеров, оставивших множество историй о придворных праздниках и блиставших на них элегантных кавалерах, ни разу не упомянул имя Кольбера. В создаваемом им Версале у него была уединенная комнатка, где он денно и ночью работал над бумагами. Кольбер трудился по пятнадцать часов в сутки, семь

дней в неделю. Его собственноручные записи могли бы составить несколько сотен томов. И при всем этом он, видимо, полагал, что у него оставалось слишком много свободного времени: в один прекрасный день, устыдившись своей необразованности, он решил взяться за латынь.

Был ли богат человек, собиравший, считавший и тративший деньги всего королевства? Конечно, Кольбер был богат. Его состояние составляло 10 млн ливров. Одни земельные владения оценивались в 1 млн 400 тыс. ливров. Честным ли путем было нажито это огромное состояние? По тем временам обогащение Кольбера не выходило за рамки феодальной законности. Имущество генерального контролера имело легальные источники, известные королю, или это были его собственные «дары». По крайней мере, историки не располагают документами, позволившими бы поставить Кольбера в один ряд с Фуке.

Но не только власть и деньги составляли силу Кольбера. Семейные связи объединяли и роднили его с аристократией. Три его дочери были замужем за герцогами Шеврез, Бовилье, Мортемар. Каждая из них получила приданое по 400 тыс. ливров. Старший сын — маркиз Сеньоле — был государственным чиновником и дипломатом, второй сын — архиепископом Руана, третий — хранителем королевской библиотеки. Три других сына погибли на полях сражений. Братья всесильного

министра также не были обделены судьбой: один из них — Круасси — был послом и затем государственным секретарем по иностранным делам, второй — Молеврие — генерал-лейтенантом с большими военными заслугами, третий — епископом Монпелье.

Эта несгибаемая твердость оказалась сокрушена внезапно, в одно мгновение, одним лишь словом. Однажды Людовик XIV, уставший от вечного противодействия министра его разорительным фантазиям, раздраженно отчитал его в минуту дурного настроения. Потрясенный Кольбер был повержен в прах; он слег в постель и больше не встал.

Он умер в шестьдесят четыре года под ношею труда, тяжести которого никогда не признавал; он был убит неблагодарным королем, обязанным своей самой доброй славой именно ему, Кольберу.

Войны

Главный враг Кольбера — война, бушевавшая на границах королевства на протяжении почти всего царствования Людовика XIV. Даже в мирное время под ружьем находилось 150 тыс. человек. Этих людей Кольбер мог использовать для благоденствия и процветания Франции. Он ненавидел войну, но не из гуманных соображений, а по экономическим причинам.

Ненависть Кольбера к войне по силе страсти была сравнима разве что с его ненавистью к военному министру маркизу де Лувуа. В глазах Кольбера этот человек был злым гением короля. Однако Кольберу приходилось с ним ежедневно встречаться и вместе работать. Король знал об их взаимной неприязни и использовал это в своих интересах, не упуская возможности при случае подразнить соперников.

В начале правления Людовика XIV французская армия представляла собой разношерстную толпу, не знавшую порядка и дисциплины с феодальных времен. Войска комплектовались на добровольных началах.

Армия в мирное время насчитывала 15–20 тыс. человек. Всеобщей воинской повинности не существовало. Вербовщики, спаивая и подкупая молодежь, вынуждали ее подписывать контракты о военной службе. В период войны комплектовали части, которые в мирное время распускались. Большинство солдат составляли французы, хотя было и много иностранцев. Содержали армию за счет повинности владельцев недвижимого имущества. Постой драгун сопровождалась грабежами и насилиями.

Армия являлась частным предприятием, собственностью «дворянства шпаги», то есть родовитого дворянства. Она не принадлежала ни монарху, ни государству. Да и как могло быть иначе, если посты полковников и капитанов продавались, а аристократы лишь соперничали друг с другом? Существовал постоянный рынок военных должностей.

Что же изменилось в вооруженных силах Франции в период правления Лувуа? Если прежде государи в мирное время стремились максимально сократить армию, то отныне армия значительно увеличивается. После подписания в 1668 году мирного договора в Ахене, завершившего франко-испанскую войну из-за испанских Нидерландов, в мирное время во французской армии осталось 50 тыс. пехотинцев и 15 тыс. кавалеристов. Через десять лет эти цифры удвоились. Содержание столь многочисленной армии обходилось дорого. Но Людовик XIV, как в будущем

Наполеон, всегда имел под рукой мобилизованные войска, готовые немедленно приступить к боевым действиям. Армия превращалась в единое целое, подчиненное центральной власти. Возникла служба инспекторов, следивших за состоянием и дисциплиной в воинских частях. Их доклады представлялись вначале Лувуа, а затем королю.

Произошли крупные перемены и в организации армии. Появились полки драгун — конных пехотинцев, артиллеристов, части гранатометчиков и стрелков. В Париже, Версале, Лилле, Меце были построены госпитали и казармы, в Дуэ, Меце, Страсбурге — арсеналы, склады продовольствия и фуража. Постепенно вводилась форма, часто стихийно по воле полковников и капитанов, прежде всего в наемных иностранных частях. Но с 1672 года она существовала уже официально, хотя единообразие в одежде утверждалось с немалыми трудностями.

В последние годы жизни Лувуа завершил перевооружение французской армии. В 1690 году имелось 107 рот карабинеров-солдат, вооруженных коротким ружьем с нарезным стволом. Всего их насчитывалось свыше 3 тыс. человек. Во время военных действий формировали объединенную отдельную бригаду карабинеров. В начале XVIII века во французских войсках полностью исчезли мушкеты и пики.

Лувуа при этом закрывал глаза на многочисленные злоупотребления, которых с каж-

дым годом совершалось все больше и которые в конце концов стали для Людовика XIV камнем преткновения в его честлюбивых планах. Многие годы король, хорошо разбиравшийся в военном деле, контролировал министра и состояние дел в армии, но с годами Лувуа научился скрывать от него истинное положение вещей. Людовик, будучи сам по природе беспредельно честным и откровенным, привык верить тому, что ему говорили. В годы его правления разразились два величайших скандала — ужасные опустошения в Нижнем Пфальце и жестокие расправы над протестантами на юго-западе Франции. И то и другое было на совести Лувуа. Вполне возможно, что король до конца так и не узнал, каким же был истинный размах преследований гугенотов. После смерти Кольбера в 1683 году Лувуа занял пост сюринтенданта строительства и принял участие в реконструкции Версаля.

Итак, Лувуа открыл новую страницу в истории французской армии, которая на протяжении почти трех десятилетий была самой крупной военной силой в Европе. Огневая мощь французских войск возросла в связи с введением патронов и гранат; из ружья уже можно было стрелять один раз в минуту, стреляли залпами. Боевые порядки размещались в глубину. Солдаты осуществляли сложные маневры — это время первенства пехоты; и она получила возможность быстро перемещаться верхом.

* * *

Ни при одном прежнем монархе Франция не вела такого количества широкомасштабных войн, как при Людовике XIV. Задачи у короля были поистине великими: расширить территорию Франции до ее «естественных границ», то есть по морскому побережью, вдоль приграничных рек и горных хребтов, и утвердить французское лидерство в Европе. Это обрекало Францию на конфликт с Испанией и Германской империей. Начало положила так называемая Деволюционная война, когда после смерти испанского короля Филиппа IV Людовик от имени своей жены объявил претензии на часть испанского наследства и поспешил предъявить права на Брабант, часть Фландрии, Франш-Конте и Люксембург, входившие в состав Испанских Нидерландов. В 1667 году французская армия овладела Армантьером, Шарлеруа, Бергом, Фюрном и всей южной частью приморской Фландрии. Осажденный Лилль сдался в августе. Людовик показал там личную храбрость и всех воодушевлял своим присутствием. Чтобы остановить наступление французов, Голландия в 1688 году заключила союз с Швецией и Англией, обеспокоенных военными успехами Франции. По мирному договору, подписанному 2 мая 1668 года в Ахене, король вернул испанцам Франш-Конте, но сохранил завоевания, сделанные во Фландрии.

Однако этот мир был только передышкой перед большой войной с Голландией. Она началась в июне 1672 года с внезапного вторжения французских войск. Чтобы остановить нашествие врага, штатгальтер Вильгельм Оранский приказал открыть шлюзы плотин и залил всю страну водой. На сторону Голландии вскоре встали император Леопольд, протестантские немецкие князья, короли Дании и Испании. Эта коалиция получила название Великого Союза. Военные действия велись частью на территории Бельгии, частью на берегах Рейна. В 1673 году французы взяли Маастрихт, в 1674-м овладели Франш-Конте. Голландцы были разбиты в кровопролитном сражении у Сенефа. Маршал Тюренн, командовавший французской армией, разбил имперские войска в трех сражениях, вынудил их отступить за Рейн и захватил весь Эльзас. Несмотря на то что в последующие годы французам сопутствовали успехи, продолжение войны было очень разорительным для государства. Кроме того, непримиримый противник Людовика XIV штатгальтер Вильгельм в 1677 году вступил в брак с Марией Стюарт, дочерью Якова Йоркского, будущего английского короля Якова II. Ему удалось убедить тогдашнего английского короля Карла II не только отказаться от поддержки Франции, но и перейти на сторону Голландии. Этот неожиданный маневр побудил Людовика XIV пойти на переговоры с Вильгельмом Оранским. 10 августа 1678 года в Нимвегене был

подписан мирный договор между Францией и Соединенными провинциями, по условиям которого Франция получила Франш-Конте, несколько пограничных городов в Бельгии и часть австрийского Эльзаса, обязавшись вернуть захваченные в ходе военных действий Маастрихт, Шарлеруа, Куртре и ряд других городов и территорий.

Поводом к новой европейской войне послужил захват французами в 1681 году Страсбурга и Казале. Испанский король объявил Людовику XIV войну. Французы одержали несколько побед на территории Бельгии и взяли Люксембург. По Регенсбургскому перемирию Франции отошли Страсбург, Киль, Люксембург и еще ряд крепостей. Это было время наивысшего могущества Людовика XIV. Но оно не было продолжительным. В 1685 году одержимый амбициями Король-Солнце возобновляет активную внешнюю политику. В 1686 году стараниями Вильгельма Оранского была создана новая коалиция против Франции, получившая название Аугсбургской Лиги. В нее вошли Австрия, Испания, Голландия, Швеция и несколько немецких княжеств. Война началась в сентябре 1687 года вторжением в немецкие земли. Многие города были разрушены до основания. Эти бессмысленные опустошения вызвали волну ненависти по всей Германии. Между тем в Англии произошла Славная революция, кончившаяся низложением Якова II. Вильгельм Оранский, ставший в 1688 году английским королем,

сразу же включил своих новых подданных в Аугсбургскую Лигу. Франции пришлось вести войну против всей Европы. Людовик постарался поднять католическое восстание в Ирландии в поддержку низложенного Якова II. Английский флот был разбит в двух сражениях, однако к 1691 году вся Ирландия оказалась вновь завоеванной англичанами. Сражаясь безо всяких союзников с многочисленными врагами, Людовик XIV вскоре истощил свои силы, а десять лет войны стоили казне 700 млн ливров. В 1690 году король был вынужден отправить на монетный двор для переплавки великолепную мебель своего дворца из цельного серебра, а также столы, канделябры, табуреты, рукомойники, курильницы и даже свой трон. Собирать налоги с каждым годом становилось все труднее. Людовик стал искать мира. В 1696 году он подписал мир с Савойским герцогом, вернув ему все завоеванные области. В следующем году в пригороде Гааги, городке Рисвик, был заключен договор, по которому Людовик сумел удержать за собой Страсбург и часть Эльзаса, но был вынужден вернуть другие территории, которые он в одностороннем порядке присоединил к Франции после Нимвегенского мира 1678 года. Кроме того, Людовик XIV признавал Вильгельма Оранского королем Англии и обещал не оказывать никакой поддержки Стюартам.

Но самой разрушительной для Франции стала война за Испанское наследство.

В октябре 1700 года бездетный испанский король Карл II Габсбург объявил своим наследником внука Людовика XIV, Филиппа Анжуйского, но с условием, чтобы испанские владения никогда не присоединялись к французской короне. Людовик принял это завещание, но сохранил за своим внуком (после коронации в Испании принявшего имя Филиппа V) права на французский престол и ввел французские гарнизоны в некоторые из бельгийских городов. Это вынудило Англию, Австрию и Голландию начать подготовку к войне и объединить свои усилия. Затяжная война началась летом 1701 года вторжением имперских войск под командованием принца Евгения в Миланское герцогство (которое принадлежало Филиппу как испанскому королю).

Поначалу новости с фронта радовали Людовика XIV, но затем стали приходить печальные известия о поражениях французов, их отступлении из Италии и падении Мадрида. Вскоре несметные сокровища из королевских сундуков растаяли. Торговля практически остановилась. Трудно было ждать героизма от армии, не получавшей жалованья. Труды Кольбера и Лувуа по укреплению экономики королевства пропали даром.

Однако все эти невзгоды не изменили течения жизни в Версале. Несколько дней спустя после сообщения о поражении при Бленхейме состоялись торжества в Марли и фейерверк в Париже по поводу рождения

сына у герцога и герцогини Бургундских. Не прекращались бесконечные балы и вечера, на которые полагалось являться в полном блеске и великолепии нарядов, а принцессам сиять всеми своими бриллиантами. Азартные игры, не поощрявшиеся Людовиком во время войн, на этот раз были как никогда популярными, потому что доставляли удовольствие герцогине Бургундской, любимице короля. Король появлялся в больших апартаментах редко, поскольку работал по девять-десять часов в день, управляя государством практически единолично. Он руководил операциями на фронте, чем создавал своим генералам дополнительные трудности. Когда они сомневались относительно своих дальнейших действий, им приходилось терять время и ждать ответа от государя. Людовик читал все военные донесения, а также сообщения всех своих послов из иностранных столиц. Кроме того, он, как прежде, давал аудиенции.

Большая часть работы выполнялась в спальне мадам Ментенон. Порой ей случалось раздеваться и укладываться в постель в присутствии какого-нибудь министра, зашедшего для решения важного вопроса.

Войне не было видно конца, а между тем французы начали испытывать ужасные лишения. 1709 год оказался очень тяжелым в истории Франции. 12 января наступили жуткие холода. За четыре дня Сену, все реки и прибрежные воды Атлантики сковал толстый лед. Мороз продержался два месяца, затем

наступила оттепель. Как только снег растаял, вновь ударили крепчайшие морозы. Озимые погибли, фруктовые и ореховые деревья, оливы и виноградники померзли, животные дохли как мухи. Только в Иль-де-Франс умерло около 30 тыс. человек. Бедняков постигла злая участь, но и существование богатых в Версале было немногим лучше. Пламя, полыхавшее в каминах денно и ночью, было неспособно обогреть просторные залы, в которых было ужасно холодно.

В середине зимы в Париже возникла острая нехватка хлеба. После нескольких яростных вспышек недовольства толпа женщин двинулась на Версаль. Людовик приказал остановить их в Севре и под конвоем армии сопроводить в Париж. В Версале единственной темой для разговоров было зерно: пшеница, овес, ячмень. Маркизу Ментенон подозревали в спекуляции продовольствием. Несомненно, что кто-то действительно промышлял этим. По стране прокатилась волна бунтов.

Состояние государственных и частных финансов оставляло желать лучшего. За несколько месяцев денежные знаки потеряли треть своей стоимости. Король обратился к населению с просьбой сдавать серебро, пересылая его в качестве займа королевскому ювелиру Лонэ или продавая Монетному двору. Король обещал, что с улучшением положения вернет металл или компенсирует его стоимость. Однако поступления к Лонэ были

скудными, поскольку население предпочитало металл продавать.

Вся золотая посуда Версаля была отправлена в переплавку, сам король сдал в переплавку свое золотое блюдо и ел из серебряной позолоченной тарелки. Даже за столом мадам Ментенон стали подавать черный хлеб вместо белого.

Людовик прибегнул и к другим видам экономии, но выхода не было; король не знал, где раздобыть деньги. Внешне, правда, казалось, что происходящее его не трогало. Он даже объявил, чтобы балы и праздники продолжались, но герцогиня Бургундская впала в тоску и положила им конец.

Усталость от затянувшейся войны побудила большинство участников антифранцузской коалиции искать мира. По условиям Утрехтского (1713) и Раштадтского (1714) мирных договоров, завершивших войну за Испанское наследство, Людовик XIV добился официального признания своего внука королем Испании и всех ее колоний в Новом Свете. В обмен на это Филипп V и его наследники отказывались от прав на французскую корону. Людовик возвращал императору Карлу VI испанские владения в Нидерландах (Бельгию) и Италии (Милан, Неаполь, Сардинию и крепости в Тоскане). В результате Франция не потеряла ни пяди своей национальной территории, которая при Людовике XIV даже значительно расширилась. Более того, вплоть до Революции 1789 года Франция ни

разу не подвергалась иностранному вторжению. Как не без оснований отмечает известный российский франковед П. П. Черкасов, «Людовик XIV надолго, почти на сто лет, отбил у соседей желание попытать счастья во Франции».

Таким образом, одна из внешнеполитических задач, стоявших перед Людовиком XIV, была решена, однако ценой крайнего истощения французского государства. Вторая внешнеполитическая задача — установление французской гегемонии в Европе — оказалась невыполнимой. Более того, агрессивная внешняя политика Людовика XIV привела к обратному результату — изоляции Франции на международной арене и утрате ею прежнего влияния.

Трое за одиннадцать месяцев

«Почти все люди умирают не от своих болезней, а от своих лекарств», — так очень тонко подметил суть тогдашней медицины Мольер. Болезнь и смерть в Версале были страшными происшествиями. Результат действия медиков являлся всегда одинаковым: сильные выживали, слабые после страшных физических и душевных мучений, а также денежных трат умирали. Частые и обильные кровопускания, модные в те времена, сводили больного в могилу. Как правило, умирали либо от большой кровопотери, либо от заражения крови. Больных оспой тоже пытались лечить кровопусканием, и они погибали. Мнения обывателей относительно докторов и методов их работы расходились. Те, кто в них свято верил, не одобряли тех, кто придерживался противоположного взгляда, и считали последних, по выражению Мольера, «непочтительными к медицине». Но даже самые «непочтительные» в страшный час страданий и боли меняли свое мнение и отдавали себя во власть «специалистов», чтобы

умереть по всем правилам. Король и мадам Ментенон слепо верили в могущество медицины и требовали такого же поклонения от своих подданных. Людовик очень обижался, когда придворные, заболев, отказывались подчиняться распоряжениям Фагона.

Первым лекарем короля был господин де л'Орм (1584–1678), пользовавшийся еще Людовика XIII и являвшийся модным доктором на протяжении половины века. Доктор высоко ценил и широко пропагандировал гигиену и применял свои теории в личной жизни, в результате чего прожил до девяноста четырех лет. Но наиболее известным медиком Людовика XIV был Ги-Кресен Фагон, умудрившийся за двадцать лет службы свести в могилу большую часть королевской семьи. В день поминовения мертвых в 1693 году он получил звание первого медика короля, одну из наиболее престижных должностей при дворе. Главный лейб-медик являлся членом Королевского Совета, был удостоен дворянского титула, имел апартаменты во дворце, дом в городе Версале и огромный доход. Фагон, как никто другой, был заинтересован в том, чтобы продлить дни своего господина, поскольку смерть короля автоматически означала конец его привилегий. Другими известными медиками были придворный хирург Феликс и его последователь Марешаль де Бьевр, к которым король питал искренние симпатии. Феликс и Марешаль теряли меньше пациентов, чем большинство

хирургов того времени, вероятно потому, что их медицинские инструменты были более чистыми.

Король на здоровье не жаловался, но, как читатель уже знает, имел проблемы с зубами. Регулярно раз в месяц он принимал огромную долю слабительного, оказывавшего эффект шесть-семь раз в день. В такие дни он не покидал своих покоев.

* * *

На протяжении пятидесяти лет французы были уверены, что после смерти Людовика XIV править ими будет Великий дофин, единственный законный отпрыск Людовика, его первый сын. Внешне Великий дофин скорее походил на австрийского эрцгерцога, чем на французского принца. Это был неуклюжий, рыхлый, небольшого роста, ко всему безразличный и молчаливый юноша.

Его наставником был знаменитый богослов и философ Жак Боссюэ, однако наследник усердно старался забыть все, чему его научили. Слуги его обожали, но перед знатью дофин тушевался, поэтому сторонился придворного общества. Выйдя из-под опеки строгих гувернеров, он ни разу не открыл ни одной книги и читал только газетные объявления о рождениях и кончинах. Это, однако, не повлияло на его интеллектуальные способности. Дофин прекрасно замечал глупости других и свои собственные. Его отличало философское отношение к окружающему

миру, и в этом плане он был истинным сыном Людовика XIV.

Свои лучшие часы дофин проводил в травле волков. Он так рьяно истреблял этих хищников, что королевским ловчим вскоре пришлось перейти к охоте на кроликов. Другим увлечением королевского сына была музыка. Он покровительствовал музыкантам, а те спешили представить на его суд свои новые творения. К тому же это необременительное занятие избавляло его от необходимости разговаривать и давало возможность вздремнуть. Дофин коллекционировал произведения искусства, в которых знал толк и мог достойно их оценить. Бывая в Париже два или три раза в неделю, принц обязательно посещал оперу и совершал набеги на антикварные лавки. Его коллекция *bibelots* (безделушек), мебели и полотен старых мастеров стала одной из главных достопримечательностей Версаля, и никто не мог похвастаться, что видел в Версале все, если не побывал в апартаментах дофина.

Людовик XIV, очень снисходительный к себе, но крайне требовательный к другим, не потерпел бы, если бы сын осмелился завести пассию, поэтому по достижении дофином двадцатилетия он решил женить его. Естественно, король исходил не из вкусов юноши (тот их и не проявлял), а из интересов собственных и государственных. Поразмыслив, он остановил свой выбор на сестре баварского курфюрста, принцессе Виктории.

Жизнь бедной дофины, подарившей королевскому дому троих принцев (герцоги Бургундский, Анжуйский и Беррийский) и перенесшей множество прервавшихся беременностей, вряд ли была счастливой. Она чувствовала себя при французском дворе безмерно одинокой. Далекая от суеты версальской жизни, всеми покинутая, измученная душевно и физически, она умерла в возрасте тридцати лет, и ее смерть была воспринята как незначительное происшествие — мелкий повод к суматохе и спорам о формальностях этикета.

Дофину предстояло окончить свои дни под сенью морганатического брака, и это было единственным, в чем он походил на своего знаменитого отца.

В 1711 году король, которому шел семьдесят третий год, пребывал в добром здравии, в то время как его постаревший сын хворал не переставая. Наследник дофина, герцог Бургундский, старший внук Людовика XIV, был еще молод, имел двух братьев и двух собственных сыновей. Король любил говорить, что французский престол никогда не был так надежно обеспечен наследниками, как в его царствование. Интриганы и заговорщики, всегда вившиеся возле престола, делились на две фракции. Одна ратовала за дофина, другая — за его сына, герцога Бургундского. О примирении сторон не могло быть и речи, настолько отец и сын ненавидели друг друга. В 1711 году Великий дофин

сleg в Медоне¹ с оспой. Правда, вскоре его дела как будто пошли на поправку, но неожиданно сердце дофина, изнуренного постоянными кровопусканиями и клизмами, не выдержало. 15 апреля он умер, и это случилось так внезапно, что кюре, случайно заглянувший навестить больного, едва успел отпустить ему грехи.

Король, безвылазно находившийся в Медоне с начала болезни, в это время ужинал. Ошарашенный неожиданным известием, он бросился в комнату сына. Получив подтверждение, что все кончено, он послал сообщение в Версаль, что направляется в Марли. Там были проведены профилактические меры против инфекции. Прибывшие из Медона сменили одежду. По всему дому жгли благоговения.

Однако это печальное событие не вызвало при дворе особых сожалений. Теперь дофином стал герцог Бургундский. Смерть отца полностью изменила его. Он утратил былую застенчивость и недовольный вид, стал общительным и приветливым, посещал заседания советов, принимал министров и генералов — словом, активно готовился к великому предназначению. Он не имел недостатков, типичных, по мнению стариков, для молодого поколения, был серьезным и добродетельным, вежливым со всеми и, в отличие от отца,

---

¹ Медон находится в 11 км от Версаля и в 9 км от Парижа.

хорошо знал положение о рангах в высшем свете. Вскоре он стал популярным среди знати, а затем и других слоев общества. Кажалось, все шло хорошо, и после смерти старого короля его королевство должно было быть в надежных руках. Но судьба распорядилась иначе. Кошмарные события февраля 1712 года не поддаются описанию.

В 1711 году из-за вспышки оспы двор на несколько месяцев покинул Версаль. Не успел король вернуться, как разразилась эпидемия кори. Вскоре заболела дофина, двадцатилетняя герцогиня Бургундская. Ее здоровье всегда оставляло желать лучшего. У нее было трое детей и шесть выкидышей, а образ жизни далеко не самый рациональный. 12 февраля 1712 года ее не стало. В полном отчаянии и растерянности придворные даже не заметили, что несчастный муж тоже тяжело заболел. Король поспешно последовал в Марли, и дофина уговорили сделать то же самое. Увидев внука, король поразился его болезненному виду и отослал в постель, с которой дофин уже не встал. Он умер через шесть дней после смерти супруги. Двое из их детей тоже заразились. Кто-то назвал старшего пятилетнего мальчика господином дофином. 8 марта не стало и его.

Так за одиннадцать месяцев Франция потеряла трех дофинов. Что касается младшего из правнуков Людовика XIV, то его гувернантка, герцогиня де Вантадур, решила не подпускать к нему медиков на пушечный

выстрел. Пока они занимались его братом, она забрала мальчика к себе и никому не сказала, что он болен. Хотя ему было уже два года, гувернантка перевела его на грудное кормление и держала в тепле, чем и спасла жизнь.

Хотя от болезни, имевшей такие же симптомы, как у принцев, в Париже умерло пять сотен человек, ходили упорные слухи об отравлении. Виновником трагедии называли племянника короля, герцога Филиппа Орлеанского. Недоверие короля к герцогу Орлеанскому пытался возбудить старый доктор Фогон, вероятно, для того, чтобы скрыть собственную некомпетентность. Большей подлости он совершить не мог. Результат его действий — отец, мать и сын, отправленные в Сен-Дени в одном катафалке, — говорил сам за себя и был слишком уж удручающим даже для тех дней. Но Людовик XIV, хотя и недолюбливал своего племянника и зятя, слишком хорошо его знал, чтобы усомниться в невинности герцога и встал на его защиту. Тела усопших, согласно обычному жуткому церемониалу, вскрыли, и присутствовавший на вскрытии хирург Марешаль объявил, что следов яда нет.

На этом череда смертей не прекратилась: второй внук Людовика XIV, герцог Беррийский, внезапно умер 5 мая 1714 года. Наследником престола оказался четырехлетний правнук короля.

Король умер! Да здравствует король!

После этих ужасных событий Людовик XIV стал печален, угрюм и принял привычки ленивого старца, как писал Александр Дюма. Балы больше не устраивались, а железная дисциплина жесткого почасового расписания ослабла.

Нарушая все законы этикета, король поздно вставал, принимал и ел, лежа в постели, сидел целыми часами, погружившись в большие кресла с бархатными подушками. Несмотря на все старания мадам Ментенон и врачей расшевелить его, он уже не мог противиться дряхлости, хотя на здоровье не жаловался. В семьдесят семь лет он еще спал при настежь раскрытых окнах, не боялся ни жары, ни холода, отлично себя чувствовал в любую погоду, ел в большом количестве свое любимое блюдо — горох с салом. Но даже организм Людовика XIV не выдержал, сдался врагу, оказавшемуся страшнее болезни, — медицине того времени...

В мае 1715 года члены лондонских клубов, получавшие информацию от английского посла лорда Стэра, бились об заклад, что

Людовик XIV долго не протянет. В июле он уехал в Марли, а когда вернулся, придворные были потрясены его болезненным видом. Он потерял аппетит, в результате чего сильно исхудал. Только Фагон и госпожа Ментенон, казалось, ничего не замечали. Когда Марешаль посмел выразить обеспокоенность, его отослали прочь. Здоровье короля было подорвано многочисленными чистками желудка, клизмами, кровопусканиями, огромными дозами опиума, хинина и других средств, с помощью которых лекари надеялись продлить жизнь этого здорового от рождения человека. Последнее время Фагон велел хорошо спать, завернувшись в пуховые одеяла, чтобы как следует потеть. Людовик так рьяно выполнял эти рекомендации, что дважды за ночь вставал обмываться. Эти процедуры доставляли ему большое беспокойство, но он так любил лечиться и так слепо верил в силу медицины, что не смел сопротивляться. 9 августа король отправился на охоту из Марли, а вечером того же дня вернулся в Версаль; с тех пор он больше не увидит Марли и не выедет на охоту...

Король умирал долго и мучительно, но и будучи при смерти, сохранял самообладание. Фагон поставил диагноз — ишиас (сдавление седалищного нерва). Боли с каждым днем усиливались. Людовик не мог ходить, его носили в кресле. В остальном он чувствовал себя нормально. Так продолжалось до 24 августа, когда Марешаль заметил на ноге короля черные пятна и понял, что это

гангрена. Людовика заставили держать ногу в ванне с бургундским вином. Из Парижа прибыли четыре медика. После продолжительной консультации с Фагоном они заказали ослиное молоко. Затем вмешался Марешаль, сказав, что гангрена — проблема хирургов, а не терапевтов, и пригласил на консилиум с полдюжины своих коллег. Они решили, что ампутация уже не поможет, и поручили Марешалю сделать на ноге несколько разрезов. Король, понимавший, что умирает, спросил Марешаля, насколько тот уверен в необходимости действий и стоит ли ему принимать такие муки, если это все равно уже не поможет. В конце концов Марешаль решил избавить короля от лишних страданий. Глаза хирурга наполнились слезами, и Людовик, заметив это, спросил, сколько дней ему осталось жить. «Сир, можно надеяться, до среды» (все происходило в понедельник). Король дожил до следующего воскресенья...

27 августа король отдал последние предсмертные распоряжения. Бывшие с ним в комнате камер-лакеи плакали. «Зачем вы плачете? — сказал король. — Когда же умирать, если не в мои годы. Или вы думали, что я бессмертен?»

Людовик хотел со всеми проститься и умереть с миром. Он слышал, как в приемной громко рыдали его дочери. В Версале было принято выражать горе вслух. Но умирающего утомляли стенания дочерей, к которым он уже давно не испытывал никаких

нежных чувств. Людовик сократил по времени сцену прощания, насколько позволяли приличия, и напоследок посоветовав дочерям примириться, отпустил их.

Потом он послал за правнуком, прелестным малышом с большими круглыми черными глазами. Он пришел со своей гувернанткой мадам де Вантадур. Она посадила мальчика на кровать, и старик и ребенок грустно смотрели друг на друга. Эти двое правили Францией на протяжении ста тридцати одного года. «Милый, — сказал Людовик XIV, — ты станешь великим королем. Не перенимай мою любовь к строительству и войнам. Напротив, старайся жить в мире с соседями. Помни о своем долге и обязанностях перед Господом... Прислушайся и следуй добрым советам. Пытайся сделать людей лучше, на что я, к сожалению, оказался неспособен...»

Допущенным к прощанию придворным умирающий король сказал: «Господа, прошу простить меня за то, что я подавал дурной пример. Я должен поблагодарить вас за службу и приверженность мне, которую вы всегда демонстрировали. Сожалею, что не всегда мог сделать для вас то, что хотел: причиной тому были трудные времена, что мы переживали. Прошу вас служить моему правнуку столь же преданно и прилежно, как вы служили мне...»

Затем король пригласил своих двух побочных отпрысков — дю Мэна и графа Тулузского. Некоторое время они оставались наедине с отцом, затем настал черед герцога

Орлеанского, единственного претендента на роль регента. Ему Людовик назвал имя человека, скрывавшегося под Железной Маской. Кроме герцога Орлеанского эту тайну знали якобы еще двое — Людовик XV и Людовик XVI, унесший ее с собой на эшафот.

Железная маска — таинственный узник Людовика XIV, скончавшийся в Бастилии в 1703 году. Существуют десятки версий того, кого же скрывали под «железной маской» (на самом деле, как полагают историки, маска была бархатной, но постепенно в сознании трансформировалась в железную, как символ королевской жестокости): это и герцог Вермандуа, внебрачный сын Людовика XIV и Луизы Лавальер, который якобы дал пощечину своему сводному брату, великому дофину, и искупил эту вину вечным заключением, и некий иностранец, молодой дворянин, камергер Анны Австрийской и будто бы настоящий отец Людовика XIV, и Николя Фуке. Самая популярная версия принадлежит Вольтеру: под «железной маской» скрывался брат-близнец Людовика XIV. Французский историк Ж.-К. Птифис полагает, что «железная маска» — это во многом миф, созданный тюремным надзирателем Сен-Маром, который охранял весьма незначительную личность, некоего слугу Эсташа Данже, который, предположительно, случайно узнал некий государственный секрет, за что в 1669 году был помещен в тюрьму в Пиньероле, а потом препровожден в Бастилию. Сен-Мару понадобилось создать некий миф, легенду вокруг узника

для придания значимости собственной персоне. По мнению историка, легенда о «железной маске» — это умело разыгранный фарс, который вводил и до сих пор продолжает вводить мир в заблуждение¹.

Затем умирающего короля оставили на попечение священнослужителей, докторов и жены, которая казалась спокойной до холодности. Возможно, она устала и держалась на пределе сил. Как только болезнь приняла серьезный оборот, Ментенон практически не покидала комнату короля. Однако за много часов до его кончины, когда Людовик еще находился в сознании, она удалилась в Сен-Сир.

Комната короля напоминала церковь. В ней постоянно звучала религиозная музыка и шепот молящихся. В моменты прояснения сознания он присоединялся к общему хору и громким твердым голосом просил Господа о помощи. 1 сентября в 8 часов 15 минут после трех недель невыносимых мучений Людовик XIV тихо ушел из жизни. Как только смерть была установлена, обер-камергер двора герцог де Буйон в шляпе с черным султаном вышел на балкон дворца в Версале

---

¹ А вот что вовсе не является фарсом, это широкое применение в царствование Людовика XIV так называемых «*lettres de cachet*» (закрытые письма). Это были тайные приказы за подписью короля об аресте и тюремном заключении. Зачастую такие ордера на арест выписывались без указания имени задерживаемого, и чиновники могли внести любую фамилию в пустующую графу этого документа.

и объявил ожидавшей внизу толпе, не столько опечаленной, сколько раздираемой любопытством: «Король умер!» Затем он удалился и, появившись в шляпе с белым султаном, провозгласил: «Да здравствует Людовик XV!»

* * *

Умер человек или посланец Бога на земле? Как писал Александр Дюма, он был «богом для мира, королем для Европы, героем для Франции, человеком для своих страстей». Человеком — со всеми его слабостями и противоречиями.

Королевское солнце ярко светило, но не согревало души простых людей. Считали ли современники Короля-Солнце великим, хотя он вошел в историю именно как Людовик XIV Великий? Пока одни искренне оплакивали уход короля, другие вполголоса распевали циничные куплеты. Однако в целом народ отнесся к смерти короля равнодушно и даже с облегчением. Когда траурный кортеж с гробом Людовика направлялся из Версаля в Сен-Дени, вдоль дороги бурно разлилась волна народных гуляний.

Возможно, Людовик XIV не обладал выдающимися способностями, но умел использовать чужие мысли и идеи. Он был гениальным политическим артистом, и как отмечал Ж.-К. Птифис, «играл на многих регистрах этого многоголосого политического органа одновременно, и играл виртуозно». По словам Александра Дюма, в царствовании Людовика XIV «были

достигнуты три великих результата: монархическое единство, административная централизация и территориальное увеличение».

Бесспорно, что Франция во второй половине XVII века была могущественным европейским государством. По численности населения 20–21 млн человек (статистика тех времен требует больших «допусков») она превосходила Россию (16 млн). В стране существовало развитое мануфактурное производство, крестьянство, составлявшее подавляющее большинство населения, снабжало Францию дешевым продовольствием, но время от времени жестоко страдало от голода, уносившего сотни тысяч жизней. В то время как Иль-де-Франс походил на огромный парк или цветущий сад, застроенный множеством великолепных домов, сельская Франция напоминала пустыню. Как писал П. Н. Ардашев, если потомкам царствование Людовика XIV представлялось волшебным и чудным миражом, то для огромного большинства современников короля оно было долгим и тяжелым кошмаром.

Его Величество провозгласил себя главой христиан, что не мешало ему поддерживать дружественные отношения с турецким султаном. С мусульманами он сотрудничал, а своих подданных-протестантов беспощадно преследовал, силой принуждая к переходу в католичество. Людовик XIV был благочестив, но это не мешало ему иметь фавориток и от них многочисленных детей, получавших почетные звания и должности, дворцы и деньги.

Король-Солнце в законченном, изощренном виде создал административно-командную систему управления. Для своего времени это был шаг вперед по пути ликвидации феодальной раздробленности и самоуправления дворян. Король, и только он, принимал окончательные решения, изрекал истины в последней инстанции. Государственный и другие советы являлись консультативными органами. Все управление страной, сверху донизу, было жестко централизовано, построено по принципу безусловного приоритета воли и интересов короля над всем обществом. Бюрократия была всемогущей.

Как никто другой, Король-Солнце умел олицетворять суверенность абсолютного монарха. Конечно, у него было свойство приравнивать свою репутацию и свои интересы к государственным, но он был вполне способен видеть разницу между своей персоной и государством. Это различие он еще раз подчеркнул на смертном одре: «Я уйду, но государство будет оставаться всегда».

Людовик претендовал на гегемонию в Европе. Он не был великим полководцем, но именно ему доставалась вся слава побед, и никогда его имя не связывали с поражениями французской армии. При нем французский народ в общей сложности более тридцати лет находился в состоянии войны, причем дважды, во время войны с Аугсбургской лигой и войны за Испанское наследство с коалициями европейских государств. Французская

армия была самой многочисленной и боеспособной в Европе. Фактически заново был создан военно-морской флот, способный противостоять флотам Англии и Голландии.

Однако постоянные войны истощали страну. Государственные финансы в 1715 году находились в плачевном состоянии. Если дошедшие до нас сведения верны, государственный долг достиг гигантской для того времени суммы около 2 млрд ливров. Однако, несмотря на это, страна благодаря своим природным ресурсам, сравнительно прочной аграрной экономике, мануфактурным мощностям и своей заморской торговле, держалась на протяжении тридцати военных лет.

Хотя Людовику XIV и не удалось воплотить своего стремления к гегемонии в Европе, после смерти он оставил страну более защищенную, чем в начале единоличного правления. Король завещал правнуку монархию, которая в последующие десятилетия была в состоянии играть первостепенную политическую роль. Как метко заметил Вольтер, «несмотря на все, что написано против него, его имя будут произносить не без благоговения, и с этим именем будут соединять идею столетия, которое навсегда останется благодарным». И как справедливо отмечает уже наш современник, П. П. Черкасов, Людовику «не удалось утвердить политическую гегемонию Франции в Европе, но ему удалось большее — распространить на весь континент исключительное влияние французской

культуры, переживавшей тогда невиданный подъем, который достигнет апогея в век Просвещения».

А благодарным потомкам Людовик оставил Версаль. С 1682 года Версаль, ставший основной резиденцией Людовика XIV, демонстрировал величие, власть, блеск французского короля и монархии перед всем миром. Европейские государи стремились подражать Людовику, и так возникли дворцы Сан-Суси, Петергоф и другие загородные королевские резиденции. Но постепенно Версаль начал превращаться в обманчивый внешний фасад, а двор начал все больше отгораживаться от внешнего мира. Из Версаля поступало все меньше импульсов, он переставал задавать тон. Жизнь из него уходила, чтобы переместиться в Париж и провинциальные города. Причинами изменений были финансовые трудности из-за войн и экономических проблем, старение короля и не в последнюю очередь растущее влияние мадам Ментенон.

После смерти Короля-Солнце прекрасный Версаль пустовал семь лет. В его золотых покоях гуляли сквозняки, выдувая чары и колдовство старой эпохи, которыми, казалось, были насквозь пропитаны стены дворца. Унося прочь век минувший, ветер приносил свежее дыхание века грядущего. Началась эпоха правления Людовика XV, новых мифов, новых фавориток и нового Версаля...

Версаль Людовика XV

Герцог Филипп Орлеанский, ставший регентом при пятилетнем Людовике XV (1715–1774), сразу после смерти своего венценосного дядюшки забрал маленького мальчика, стоявшего между ним и троном, из Версаля и поселил во дворце Тюильри, расположенном напротив его собственного дворца Пале-Рояль.

Людовику XV случилось стать наиболее желанным из потомков Людовика XIV, его так и называли — «Возлюбленный». Он был многообещающим ребенком, религиозным, прелестным, умным, храбрым, но застенчивым. Он вырос и превратился в очаровательного молодого человека и умного правителя с хорошо развитым чувством долга. Но аппарат, с помощью которого ему пришлось управлять страной, давно устарел, и придумать что-нибудь лучше ни он, ни его советники не могли.

В 1722 году регент решил снова поселить двор в Версале. Короли обречены жить в клетке, и если клетка находится в столичном городе, то звуки улиц все же проникают в нее. Ни один король не был так отрезан от народа, как Людовик XV. На этом настоял

кардинал Дюбуа, советник регента, надевшийся таким образом продлить жизнь своего господина. К такому выводу он пришел, исходя из того, что вдали от Пале-Рояля тот будет вынужден вести более размеренную жизнь. Переезд прошел без излишней суеты и каких бы то ни было неприятностей. Все как будто вернулось на круги своя, и, подчинившись условностям этикета, двор зажил прежней жизнью, словно никогда не покидал пределы Версаля. Через несколько месяцев кардинал Дюбуа скончался. Официально король вступал в совершеннолетие в 1724 году, а пока у власти оставался герцог Орлеанский. Однако 2 декабря 1723 года он умер.

Спустя некоторое время короля женили на Марии Лещинской, дочери обнищавшего польского короля в изгнании Станислава. Свою жену Людовик XV считал самой прекрасной женщиной в Версале и говорил об этом беспрестанно. К несчастью, жена его, хотя и была исключительно добродушной женщиной, не умела быть модной и отличалась занудством. Она не могла окружить себя обществом, приятным для ее веселого мужа, напротив, среди придворных она, словно нарочно, выбирала самых скучных и заурядных людей. К тому моменту, когда Людовику XV исполнилось двадцать семь лет, они с королевой имели десятерых детей, из которых зрелого возраста достигли шесть дочерей и сын. Королева вела образ жизни матроны средних лет, не предпринимая никаких

попыток оставаться привлекательной для супруга, разделять его интересы, развлекать его друзей. Началась эпоха фавориток, самой блестящей и талантливой из которых явилась Жанна-Антуанетта Пуассон (1721–1764), более известная как маркиза де Помпадур, ставшая в 1745 году официальной фавориткой короля. Ее имя стало нарицательным как символ внешнего блеска, самовластья и даже самодурства. В течение двадцати лет, до самой смерти, она направляла внутреннюю и внешнюю политику Франции, назначала и смещала министров, провоцировала войны. Именно ей приписывают авторство фразы «После нас хоть потоп».

Вот как описывал маркизу де Помпадур французский историк Жорж Ленотр, потомок знаменитого создателя версальского парка: «Помпадур... Какое чарующее слово! Сколько в нем стиля! Оно сразу вызывает в воображении мебель изогнутых форм, затканые цветочными узорами плотные шелка, десюдепорты¹ Буше², платья с широкими кринолинами, банты... От этого имени словно исходит аромат старомодной элегантности, грации, изысканной галантности; кажется, вся пленительность XVIII века заключена в нем. Обладательница

---

¹ Декоративные картины, располагавшиеся над дверьми.

² Франсуа Буше (1703–1770) — центральная фигура французской живописи середины XVIII столетия.

этого пышного и прелестного имени считается одной из самых счастливых и могущественных фавориток „Возлюбленного короля“ Людовика XV. Хорошенькая, артистичная, вызывавшая общий восторг, истинная правительница государства, свободно черпавшая из королевской казны, одаривавшая милостями и постами, она вошла в нашу историю как сказочная фея — торжествующая, радостная, лучезарная.

Любовь всегда загадка... «Он любит не вас, — бывало говорил маршал де Мирепуа, — он любит вашу лестницу». Король действительно любил лестницу, на верхней площадке которой обитало это хрупкое создание, его умная, веселая собеседница, в любую минуту готовая уделить ему внимание и разделить его интересы. Комнаты, в которые вела лестница, располагались на втором этаже северного крыла; посетителю, чтобы попасть к мадам Помпадур, следовало войти в парк обычным путем и повернуть налево; девять верхних окон от северо-западного угла принадлежали маркизе. В наши дни в этих покоях царит тишина. Освещенные северным светом, они кажутся холодными и неприветливыми. Но раньше, когда она проживала там, в них было оживленно и тесно от людей, животных и птиц, всевозможных безделушек, любопытных вещей, мебели, картин, разнообразных коллекций, бесчисленных узоров, рисунков, планов, карт, ее вышивок, писем и косметики. Все утопало в цветах, и воздух был напоен их густым ароматом. Удивительно, как все это

могло там уместиться. Стены были выкрашены в ее любимые нежные цвета и покрыты лаковой росписью Мартена; деревянная обшивка сохранилась прежняя, и планировка апартаментов осталась без изменений. Сохранилась и маленькая комната ее горничной, мадам дю Оссе, с камином, через который она подслушивала разговоры короля и дословно записывала услышанное. Была еще шахта лифта с откидным стульчиком. Маркизу в нем поднимали слуги, чтобы избавить от утомительного подъема по крутым ступеням. На нижнем уровне располагалась квартира личного врача мадам Помпадур и ее большого друга, известного экономиста-физиократа Франсуа Кенэ. Окна ее выходили на мрачный внутренний двор.

В салоне маркизы блистали самые выдающиеся умы эпохи — Шарль Дюкло, Бернар Фонтенель, Дени Дидро, Вольтер, Жорж Бюффон и другие, многие из них жили на ее пенсию. Благодаря стараниям маркизы Вольтер стал королевским поэтом, историографом, придворным камергером и получил пенсию. Когда же философ навлек на себя недовольство фаворитки, он вынужден был обосноваться в Женеве. Благодаря ее поддержке осуществлялся знаменитый проект «Энциклопедии»³. Именно маркиза защищала «Энциклопедию»,

---

³ «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел» — французская энциклопедия эпохи Просвещения, одно из самых знаменитых универсальных справочных изданий.

когда она была запрещена во Франции в 1751 году.

Маркиза Помпадур, отличавшаяся тонким вкусом и любившая искусство, отделявала свои резиденции со всем блеском рококо⁴, а затем — со строгостью классицизма, став горячей поклонницей этого стиля. Для каждого из своих имений она сама намечала планы модернизации и мелиорации и приглашала для работ виднейших архитекторов, художников и резчиков.

Все художники находились под пристальным вниманием маркизы и ее брата, Абе-ля-Франсуа Пуассона⁵. Особого расцвета достигло искусство внутренней отделки благодаря таким мастерам, как Жермен Боффан и Ж. А. Руссо. Тогда же возникли изящные,

---

⁴ От франц. *rococo*, *rocaille* — декоративная раковина, ракушка — стиль в искусстве, возникший во Франции в первой половине XVIII в. во время регентства Филиппа Орлеанского. Характерными чертами рококо являются изысканность, изящность, утонченно-усложненные формы, большая декоративная нагруженность интерьеров и композиций, большое внимание к мифологии, личному комфорту.

⁵ В 1745 году король объявил его наследной должностью пост главы Генеральной дирекции строений короля, когда тому было всего семнадцать лет. Он сохранял ее до 1773 года, почти до самой смерти короля, когда маркизы уже давно не было в живых. Стараниями сестры ему также были пожалованы дворянство и титул маркиза де Мариньи и де Менар.

великолепные образцы мебели, а также мастерски написанные, нежные и изысканные картины в стиле рококо Антуана Ватто, любимого живописца маркизы, «художника граций» Франсуа Буше и Жан-Марка Наттье. Адам Ламбер, Жан Батист Пигаль и Этьен Морис Фальконе создавали для маркизы и ее брата скульптурные композиции.

На развитие науки и культуры маркизой расходовались огромные суммы. Только на ее меценатство ушло 8 млн ливров, а основные деньги тратились на покупку картин и скульптур, обустройство дворцов и библиотек, на оформление столичных площадей и бульваров. Помпадур занималась строительством Малого Трианона (1763–1768), площади Людовика XV (ныне площадь Согласия) и Елисейских полей (1754–1763), Королевской военной школы (1750), реставрацией Лувра. В 1750 году благодаря ее стараниям в Люксембургском дворце открылась постоянная экспозиция шедевров из королевских коллекций. Маркиза была своеобразным «министром изящных искусств», и практически все, на что она тратила деньги, сейчас считается культурным достоянием Франции.

* * *

Версаль в XVIII веке представлял собой зрелище, хотя и не поучительное, но радостное: несколько тысяч людей жили в свое удовольствие и наслаждались жизнью. Действительно, удовольствия в ту пору

имели едва ли не политическое значение, поскольку дворян, отторгнутых от своих поместий и развращенных бессмысленными привилегиями, следовало занять чем-то приятным.

Скоротать время, как и прежде, помогали четыре главных занятия: любовь, азартные игры, охота и официальные развлечения. Дворцовые развлечения организовывал герцог Ришелье. Являясь первым постельничим, он также непосредственно руководил *Les Menus Plaisirs* (маленькие придворные удовольствия), Государственным департаментом, специально созданным для развлечений дворян. Развлечения на протяжении пятидесяти лет практически не менялись. Дважды в неделю был театр, «Комеди Итальян» и «Комеди Франсез», в особых случаях, таких как королевская свадьба, рождение, празднование победы, устраивались балеты, балы и фейерверки. Все было организовано чудесным образом, но отсутствовала оригинальность и элемент неожиданности. Кроме балов, большого удовольствия королю все эти увеселения не приносили. Он был человеком ищущим и любил перемены и новизну, по крайней мере в том, что касалось развлечений.

С первого дня своего пребывания в Версале мадам де Помпадур думала о том, как порадовать короля и не позволить скуке овладеть им. Она решила устроить частный театр. Обученная пению Желлиотом из «Комеди

Франсез» и искусству декламации старым драматургом Проспером Кребийоном⁶, она славилась своим актерским талантом и считалась лучшей самодеятельной актрисой Франции; к тому же ей хотелось продемонстрировать свое искусство королю.

Под руководством маркизы в галерее, ведущей в Кабинет медалей, был построен крошечный театр на четырнадцать зрителей. Над его убранством трудились Перо и Буше, костюмы создавал Перроне, а Нотрель — парики. Репетиции проходили в замке Шуази в обстановке глубочайшей секретности, даже королю не дозволялось на них присутствовать. Первой из многочисленных пьес, поставленных на подмостках театра, стал «Тартюф» Мольера⁷, и произошло это 17 января 1747 года.

Людовик XV не был музыкален, он не очень поощрял музыку, хотя во Франции в ту эпоху творили Франсуа Куперен (1668–1733) и Жан Филипп Рамо (1683–1764). Скульптура

и живопись нравились ему, но его подлинной страстью была архитектура, и он лично

---

⁶ Проспер Жолио де Кребийон (1674–1762) — известный французский драматург, член Французской академии.

⁷ Жан-Батист Поклен (1622–1673) — известный под театральным псевдонимом Мольер — французский комедиограф, создатель классической комедии, по профессии актер и директор театра, известного как «Труппа Мольера».

поощрял разнообразные проекты. Король настолько хорошо познал этот предмет, что его трудно было ввести в заблуждение, как специалист он вникал во все детали. Время его правления было периодом расцвета искусства и архитектуры. Не случайно господствовавший тогда, особенно во внутреннем убранстве, стиль с утонченными орнаментами и полными фантазий декорациями в стиле рококо был назван именем короля.

Двор и город образовали симбиоз. Король задавал тон, и ему следовало придворное дворянство, имевшее дворцы в этом стотысячном городе, в котором жили и творили художники, мастера и торговцы произведениями прикладного искусства. Эти художники и мастера находили здесь богатых покупателей и меценатов. С 1722 по 1774 годы для замков Людовика XV было куплено не менее 850 картин или сделаны заказы на них, более тысячи изящных предметов мебели, гарантировавших средства для жизни большому количеству известных краснодеревщиков.

Хотя Людовик XV терпеть не мог появляться на публике, от своих обязанностей, как он их себе представлял, он не уклонялся. Положение обязывало его в присутствии придворных просыпаться, обедать, молиться и снимать с помощью камергера сапоги. Как и при его великом прадеде, подъем и отход ко сну представляли собой официальную церемонию; но в парадной спальне король

никогда не спал. Все знали, что он вставал и приступал к работе за несколько часов до официального подъема и даже сам разводил огонь в камине, чтобы не тревожить никого из слуг. Бывало, что после официального отхода ко сну он отправлялся поразвлечься в Париж или город Версаль. Камин в парадной спальне был всегда растоплен, потому что в холодную погоду официальная церемония подъема и отхода ко сну была делом не самым приятным.

Версаль менялся во времена правления Людовика XV не столь масштабно, как это было при Людовике XIV. После того, как в 1722 году король и его двор вернулись в Версаль, первым проектом стало завершение Салона Геркулеса, сооружение которого началось в последние годы правления Людовика XIV, но из-за смерти последнего закончено не было.

Если Людовик XIV жил практически на людях, то Людовик XV, более замкнутый, чем его прадед, позаботился о покоях, где он мог бы укрыться от любопытных глаз. Эти апартаменты состояли из пятидесяти комнат и семи ванн и более походили на загородный дом. Они получили наименование Малых апартаментов (*Petits appartements*) и создавались с 1735 по 1738 годы. Даже придворные могли появляться там лишь в том случае, если относились к привилегированному меньшинству наиболее приближенных или имели приглашение. С течением времени

король устроил для себя покои еще более частного характера, где его никто не беспокоил. В конце концов северное крыло превратилось в разветвленную сеть секретных переходов, потайных лестниц и миниатюрных комнат, выходивших во внутренние дворы. Их называли «крысиными гнездами». Людовик XV обожал миниатюрные вещицы, единственные в своем роде, и в убранстве этих «крысиных гнезд» использовался декор, уникальный по своему великолепию и изысканности.

Несмотря на стремление Людовика XV к уединению, Версаль, как и при его прадеде, был открыт для публики. В Зеркальную галерею можно было прийти без всяких специальных разрешений и формальностей. В летние воскресные дни простой парижский люд заполнял галерею. Народ свободно разгуливал здесь, наслаждаясь гладкостью паркета и толпясь время от времени в надежде увидеть короля. Дежуривший в зале «Бычий глаз» швейцарец запрещал лишь входить в покои Его Величества. Сам он обитал тут же за ширмой, где у него была печка, туалет и гардероб, но по вечерам он переносил постель в галерею; тут он раздевался и укладывался спать, имея полное право считать себя обладателем самой роскошной спальни во Франции. Здесь жили вполне побуржуазному; несмотря на все великолепие, к нему так привыкли, что воспринимали галерею как обыкновенный коридор.

В документе, относящемся к 1754 или 1755 году, так описываются правила доступа в Версаль: «Караульные не должны позволять, чтобы во дворец, не имея на то разрешения, приводили животных. Только принцы и принцессы царствующей семьи имеют право допустить к своим покоем коров, коз или ослиц; в виде особой милости эти права даны еще нескольким лицам...» Разносчики воды и дров также свободно проходили во дворец. По всем этажам, лестницам и приемным бродили уличные торговцы; улица проникала внутрь замка, достигая самой Зеркальной галереи. Постоянное хождение туда-сюда, шум, толкотня... Вход в замок запрещался лишь монахам и людям со свежими следами оспы.

Помимо Малых апартаментов существенным вкладом Людовика XV в развитие Версаля стали покои Мадам (старшей дочери короля Елизаветы), покои дофина и его супруги на первом этаже дворца; а также личные покои Людовика XV — Малые апартаменты короля на втором этаже (позже перестроенные в апартаменты фаворитки короля мадам Дюбарри) и Малые апартаменты короля на третьем этаже. Не менее существенным вкладом является разрушение Лестницы Послов, единственного церемониального пути в Большие Королевские покои. Это было сделано для сооружения апартаментов дочерей Людовика XV. В 1770 году архитектором

Габриэлем⁸ было завершено строительство Зала Оперы.

В последние годы своего правления по совету Габриэля Людовик XV начал реконструкцию фасадов внутренних дворов дворца. По другому проекту дворец должен был получить классические фасады с городской стороны. Реализация этого проекта продолжалась и в годы правления Людовика XVI, а завершена была только в XX веке. Существенных изменений в парке не произошло; единственным наследством Людовика XV в парках Версаля стало завершение сооружения бассейна Нептуна между 1738 и 1741 годами.

В 1762 году было начато строительство загородного дома в отдаленной части версальского парка, получившего название Малый Трианон. Там король и мадам Помпадур предполагали вести уединенный образ жизни. Трианонский дворец для этих целей не годился, поскольку слишком много людей имели право приезжать туда. Однако маркиза не дожидаясь окончания строительства: она сгорала от чахотки. Несмотря на заведенное правило,

---

⁸ Жак-Анж Габриэль (1698–1782) — французский архитектор, член Академии архитектуры, королевский архитектор и Первый королевский архитектор (1743); президент Королевской Академии архитектуры (1743–1782), один из основоположников французского неоклассицизма второй половины XVIII века.

согласно которому умирать в Версале могли только королевские особы, король распорядился, чтобы тяжелобольная маркиза осталась в Версале. Здесь 15 апреля 1764 года она умерла. Людовик XV встретил ее кончину словами: «Сегодня плохая погода для путешествия, маркиза».

У яркого, парадного портрета маркизы Помпадур была и обратная сторона. По словам Ж. Ленотра, «это было поистине несчастное создание. Вечно больная, снедаемая постоянной тревогой, измученная людской низостью и завистью, каждый день, перебивая усталость и отвращение, она должна бороться со своими соперницами, бороться с пресыщенностью и скукой своего царственного друга, бороться против знати, которая ей льстит, бороться против черни, которая ее ненавидит, и против друзей, которые ее обманывают. Ломать унижительную комедию счастья и любви, в то время как на душе сплошной страх, муки самолюбия, постоянное ощущение опасности... Ужасная судьба!»

Малый Трианон никогда не был рассчитан на постоянное пребывание в нем королевской семьи и был задуман как временная резиденция, как *maison de plaisir* (приют удовольствия — франц.). После смерти маркизы Помпадур Людовик XV весьма часто пользовался этим любовным гнездышком, защищенным от соглядатаев, уединяясь там со своей новой фавориткой мадам Дюбар-

ри⁹ или другой случайной дамой. Искусный механик изобрел хитроумное устройство, с помощью которого стол, накрываемый в кухонном подвальном помещении, поднимался в королевские покои так, что ни один слуга не присутствовал на интимном ужине (такой же стол был потом установлен в одном из павильонов Царского Села).

* * *

Спустя десять лет после смерти маркизы Помпадур, 10 мая 1774 года, от оспы умер Людовик XV. Его похоронили без должных почестей, ночью, в сопровождении лишь небольшого эскорта...

---

⁹ Мари Жанна Бекю, по мужу графиня Дюбарри (1746–1793) — официальная фаворитка Людовика XV, внебрачная дочь сборщика податей Гомара де Вобернье. Дюбарри мало вмешивалась в государственные дела, предпочитая танцы, игры и примерку новых нарядов. После смерти короля Дюбарри устроилась в подаренном ей дворце Лувесьен, но во время революции была предана суду якобы за связь с жирондистами и гильотинирована.

Последний король в Версале: Людовик XVI

11-летний Людовик-Огюст, герцог Беррийский, внук Людовика XV, стал наследником престола в некотором роде случайно: безвременно скончались два его старших брата и 36-летний отец, наследный принц Людовик. Людовик XV по примеру своего великого предшественника предпочитал держать семейство будущих суверенов вдали от Версальского двора, в Медоне. Дворцы и их убранство, парки и леса, окрестности и дали были здесь великолепны, но словно отмечены провинциальной ущербностью и монаршей неприязнью.

Дворцовые сооружения в Медоне, некогда принадлежащие герцогам Гизам и иным менее знаменитым фамилиям, Людовик XIV приобрел для проживания в них семей наследных принцев. Уже при Людовике XV, и особенно при его преемнике, резиденция начала пустеть и приходить в упадок. В годы Революции «Старый дворец» заняли лаборатории военного ведомства; в 1804 году он почти дотла сгорел. «Новый дворец» в революционную пору

использовался как мастерская для сооружения воздушных шаров; во время франко-прусской войны дворец сильно пострадал от пожара. Центральная его часть впоследствии была восстановлена и в ней разместилась Обсерватория.

По достижении шестнадцати лет Людовика женили на 15-летней очаровательной Марии-Антуанетте, своенравной и умной дочери Марии-Терезии и Франца I Австрийских. Свадебные торжества омрачились двумя жуткими происшествиями, которые и во Франции, и за ее пределами породили суеверное предчувствие, что новобрачных ждет беда. Во время венчания в Версале придворные, стремясь быть ближе к алтарю, сбили с ног и насмерть затоптали многих (по некоторым сведениям, сотню) швейцарских гвардейцев. Во время фейерверка на площади Людовика XV, ставшей через двадцать три года местом казни супружеской пары, возникла страшная давка: обезумевшие парижане опрокидывали экипажи, топтали лошадей и друг друга. По одним данным, на этом народном гулянии погибло 333 человека, а по другим — более тысячи. Французы невзлюбили юную королеву, «австриячку»¹, как ее

---

¹ Если по-русски «австриячка» звучит вовсе не обидно, то по-французски все не так однозначно. Речь идет об игре слов: «*autrichienne*» — австриячка, но окончание слова совпадает со «*chien*» — собака, сука. «*Autrichienne*» можно на слух воспринять и как *une autre chienne* — другая сука.

стали презрительно называть, полагая, что будущий король попадет под ее каблучок, а это неблагоприятно отразится на делах французского государства. Скоро стали говорить, что Мария-Антуанетта капризна и упряма, недопустимо много тратит на наряды и драгоценности, на бесчисленные увеселения и пиршества, что она покровительствует консерваторам и самым ярым защитникам сословных привилегий. Неприязнь к бывшей австрийской принцессе усиливалась еще и тем, что у юных супругов долго не было детей. Только в 1778 году, через восемь лет после свадьбы, появилась дочь; первый сын родился в 1781 году, второй — в 1785 году.

Став королевой, Мария-Антуанетта принялась создавать в Версале — вернее, вокруг него — свой мир, свободный от чопорности и этикета, тот мир, в котором, как в детстве в Вене, она могла бы быть самой собой. Уже в июле 1774 году придворный архитектор Габриэль начал устраивать английский сад в подаренном ей королем Малом Трианоне. Пожалуй, лучше всего историю дворца времен Марии-Антуанетты изложил австрийский писатель Стефан Цвейг, создавший блестящий психологический портрет королевы. Предоставим слово Цвейгу.

Трианон со временем стал не только центром маленького блестящего и недолговечного мира Марии-Антуанетты, но и — дерзким вызовом, притом не только дряхлевшему двору, но и городу. В декабре 1789 г. депутаты

Национального собрания, потребовавшие показать им Трианон, не поверили, что за скромной простотой этого дома — с портретами родителей на стенах — не скрывались тайные алмазные чертоги, где проходили известные всему читающему памфлеты Парижу «оргии австриячки».

Построенный в простой, слегка стилизованной под античность манере, светящийся белизной в густой зелени садов, в стороне от Версаля и в то же время возле него, он очень миниатюрен, этот дворец фаворитки, принадлежащий теперь королеве...

Основное внимание Мария-Антуанетта уделяла своему саду, так как, само собой разумеется, он ничем не должен был походить на старый парк Версаля, ему следовало стать самым современным, самым модным, самым кокетливым садом всех времен, настоящим садом рококо. Сознательно или невольно, королева следовала изменившемуся вкусу своего времени. Ведь все устали от газонов, вытянутых, словно по линейке, королевских построек Ленотра, от живой изгороди, подрезанной, словно бритвой. Уже все насмотрелись на эту зеленую геометрию, утомились от этого насилия над природой...

Подгоняемые нетерпением королевы, сотни рабочих начали колдовать над осуществлением планов инженеров и художников, создавать в сказочно короткие сроки ландшафты — невероятно художественные, умышленно легкие, имеющие естественный вид. Прежде всего по

лугу проложили тихий ручеек — неотъемлемую часть любой подлинной пасторали. Правда, воду нужно было вести из Марли по трубам длиной две тысячи футов, и по этим трубам утекали немалые деньги, но извилистое русло ручейка выглядело так приятно и естественно! Тихо журча, ручеек впадал в искусственный пруд с искусственным островком, к островку был перекинут прелестный мостик, по пруду грациозно плавали белые лебеди. Каждый год у королевы появлялись новые прихоти, все более изысканные. Как бы рассеянные в беспорядке, на самом деле размещенные романтическими архитекторами с точным расчетом на определенный эффект, появлялись в саду чудесные маленькие шедевры. На холме возвышался Храм любви, его открытую античную ротонду украшала одна из лучших скульптур Бушардона — амур, вырезающий из палицы Геркулеса меткоразящие стрелы для своего лука. Сквозь лесок бежали пересекающиеся дорожки, ведущие к лугу с диковинными цветами; сквозь густую зелень светится маленький музыкальный павильон — восьмигранник, сверкающий белизной, и все это с большим вкусом так дополняло друг друга, что действительно во всей этой прелестной преднамеренности не чувствовалось ничего искусственного.

Но мода требовала еще большего правдоподобия. Чтобы перещеголять природу в естественности, в эту пастораль, самую поразительную из всех, которые знала история, были введены действующие лица — настоящие

крестьяне и крестьянки, настоящие коровницы с настоящими коровами, телятами, свиньями, кроликами и овцами, настоящие косари, жнецы, пастухи, охотники и сыровары, чтобы они охотились и косили, доили коров и обрабатывали поля, чтобы игра марионеток была непрерывной. Новый, еще больший заем в государственной кассе — и по приказу Марии-Антуанетты был создан кукольный театр, где действующие лица — живые люди, кукольный театр с настоящими конюшнями, амбарами, голубятнями и курятниками... Великий архитектор Мик и художник Гюбер Робер сделали наброски, построили восемь крестьянских усадеб, точно воспроизводящих современные крестьянские постройки, дома с соломенными крышами, птичьим двором и навозными кучами. А чтобы эта новехонькая бутафория не выглядела неправдоподобной среди искусственной природы, имитировалась даже нищета и запустение действительно убогих хижин. Молотком образовывали в стенах трещины, сбивали куски штукатурки, срывали с крыши несколько дранок. Гюбер Робер создал искусные узоры на деревянных деталях, чтобы они выглядели гнилыми и ветхими. Зато внутри некоторые из этих внешне убогих хижин были убраны с уютом; в них имелись зеркала и печки, бильярд и удобные кушетки. Если, иной раз, скуки ради королева желала стать героиней в духе Жан-Жака Руссо и хотела со своими придворными дамами поиграть в пейзаж, она ни в коем случае не должна была

при этом испачкать пальчики. Если бы ей вздумалось посетить своих коров, Брюнетту и Бланшетту, то, само собой разумеется, накануне невидимая рука начистила бы пол коровника, коровы — белоснежная и рыжая — были бы тщательно вычищены, и пенящееся молоко подавали бы не в грубых крестьянских ковшках, а в фарфоровых вазах с монограммой королевы.

И сейчас многочисленных туристов привлекает прекрасная в своей кажущейся деревенской простоте ферма Марии-Антуанетты, будто бы возвращая их в далекие времена королевского, но такого пасторального Версаля...

Версаль и Революция

За блеском и великолепием Версаля, за изяществом и простотой Трианона от королевской четы скрывалась совсем другая Франция, с серьезными социальными проблемами и архаичной политической структурой. Страна стояла на пороге Революции, открывшей последнюю страницу в истории Версаля как королевской резиденции.

Однако Версалью предстояло еще стать столицей, мозгом, сердцем и душой всего государства. Случилось это 5 мая 1789 года, когда в Версале торжественно открылись Генеральные штаты — орган сословного представительства, не созывавшийся с 1614 года. Это превратилось в настоящий праздник. Никогда до сих пор маленький городок Версаль не видел сразу так много народа, как в этот сверкающий весенний день. В штате королевского двора — четыре тысячи человек, Франция послала почти две тысячи депутатов, а из Парижа и из сотни других городов, городков, поместий и замков все прибывали бесчисленные любопытные, желающие принять участие во всемирно-историческом

событии. Сотни прибывших, не найдя квартиры, спали под арками ворот, многие, несмотря на проливной дождь, еще ночью вставали рядами вдоль дороги, чтобы только не пропустить такое зрелище.

Весь Париж прибыл в Версаль, чтобы рассказывать потом детям и внукам о первом дне новой эры. В окнах, с подоконников которых были спущены великолепные ковры, теснилось множество людей. Невзирая на опасность для жизни, они гроздьями висели на дымовых трубах, не желая упустить ни малейшей подробности грандиозной процессии. В последний раз версальский двор демонстрировал зрителям всю свою роскошь, чтобы убедительно показать народу истинное величие наследственной власти.

4 июня в возрасте семи лет скончался дофин. Король и Мария-Антуанетта, пораженные горем, удалились в загородную резиденцию Марли и не присутствовали на заседаниях Генеральных штатов. На фоне семейной трагедии, еще больше обострившей хроническую нерешительность Людовика XVI, антимонархические настроения масс в значительной степени ассоциировались с Марией-Антуанеттой. В прессе и многочисленных памфлетах она изображалась как реакционерка, австрийская гарпия, отравляющая жизнь своего слабовольного мужа.

Революционное колесо завертелось, и его уже невозможно было остановить. Уже 17 июня третье сословие, заявив, что оно

представляет подавляющее большинство французского народа, провозгласило себя Национальным собранием. 20 июня депутаты третьего сословия, собравшись в Зале для игры в мяч, поклялись не расходиться до тех пор, пока Франция не получит конституцию. 9 июля депутаты всех сословий, объединившиеся в Национальное собрание, объявили себя Учредительным собранием.

* * *

Людовик XVI отказался утвердить декреты Национального собрания 5–11 августа 1789 года и Декларацию прав человека и гражданина, принятую в Версале 26 августа. С конца августа по Парижу поползли тревожные слухи: «аристократы» якобы оказывают на короля давление, чтобы заставить его силой разогнать Учредительное собрание.

5 октября набатный колокол собрал парижан, готовых взяться за оружие. Огромная толпа, состоявшая в основном из женщин, настроенных особенно агрессивно, ворвалась в Ратушу, требуя хлеба. С большим трудом ее удалось оттеснить. Однако тут же распространился очередной слух, будто в Версаль стягиваются войска, и что королевские офицеры, демонстрируя ненависть к революции, во время банкета топтали трехцветную кокарду. Кто-то призвал немедленно идти на Версаль, чтобы привезти короля в Париж. Толпа подхватила этот призыв и под проливным дождем устремилась к дороге на Версаль.

За ней же отправилась Национальная гвардия во главе с генералом М.-Ж. Лафайетом¹.

Когда около четырех часов пополудни из окон замка были замечены первые шеренги женщин, ведущих за собой парижский люд на приступ, огромный дворец охватило смятение. Внезапно стало очевидно, что построенная для престижа и пышных церемоний «твердыня монархии» не в состоянии выдержать осаду, и доступы в нее абсолютно не защищены.

Когда парижане прибыли в Версаль, Людовик XVI обещал им санкционировать Декларацию прав человека и гражданина. Но огромная толпа, состоявшая в основном из женщин, вооруженных пиками, мечами, пистолетами и мушкетами (есть свидетельства, что в толпе были и мужчины, переодетые в женское платье, но сейчас их ни подтвердить, ни опровергнуть невозможно), не расходилась. Толпа все нарастала. Она заполонила огромную площадь и все видимое пространство. К наступлению ночи парижане уже завладели большим двором и сгруппировались у изящных хрупких решеток.

Защитникам Версаля оставались лишь предназначенный для парадов гарнизон, по-

---

¹ Мари-Жозеф де Лафайет (1757–1834) — маркиз, политик и генерал, сначала прославившийся в войне за независимость североамериканских колоний Англии; во французских революциях 1789 и 1830 гг. был сторонником либеральных роялистов.

ловина гвардейской роты, подразделение швейцарцев и часть фландрского полка. Несколько входов были спешно забаррикадированы, и двери, что не двигались на своих петлях со времен Людовика XIV, впервые оказались заперты.

В торжественных залах дворца, обычно таких прибранных и чинных, царила суматоха и смятение. Вдоль восхитительной галереи растерянно бродили перепуганные дамы и господа. Вынужденный внезапно прервать охоту (за ним специально послали), король по возвращении заперся у себя и не хотел выходить. В Зале мира, от которого начинались апартаменты королевы, придворные дамы Ее Величества ждали приказаний — они устроились на табуретах, на краешке столов для карточной игры; несколько свечей еле освещали зал.

В зале «Бычий глаз», в парадной комнате короля и в соседнем с нею Зале совета (его окна как раз возвышаются над беснующейся толпой) собрались вместе королевское семейство, министры и советники по особым делам. Тысячи соображений — и никакого решения. Измученный король то и дело покидал собрание и запирался в своем кабинете, чтобы прийти в себя.

Ночью в Зале совета Людовик XVI принял депутацию парижских женщин, требовавших хлеба. Король высказал им утешительные слова и обещал скорое снижение цен. После посещения монарха часть просительниц

сразу же отправилась обратно. Однако большинство осталось в Версале. Следом за женщинами к королю пришла делегация Учредительного собрания во главе с Мунье². Депутаты принялись объяснять Людовику, что на самом деле народ недоволен его отказом санкционировать августовские декреты и Декларацию прав человека и гражданина. Король поверил им и утвердил все эти акты. Похоже, больше всего ему хотелось, чтобы толпа незваных гостей как можно скорее покинула его резиденцию.

Тем временем к Версалью подтянулись и 15 тыс. национальных гвардейцев, вооруженных ружьями и пушками. Их сопровождала толпа гражданских лиц. Прибывшие с Национальной гвардией представители парижского муниципалитета потребовали у короля покинуть Версаль и перебраться с семьей в Париж. Людовик обещал дать ответ на следующий день. В ожидании этого вся масса народа — женщины, национальные гвардейцы, сопровождавшая их толпа — расположилась табором у стен дворца.

Ночью какие-то люди из вновь прибывших проникли внутрь дворца (говорили, будто кто-то из придворных открыл им дверь), прошли к спальне Марии-Антуанетты и по-

---

² Жан-Жозеф Мунье (1758–1806) — инициатор знаменитой клятвы третьего сословия в Зале для игры в мяч; сторонник конституционной монархии, он эмигрировал в 1789 году.

пытались ворваться туда. Два дворянина, дежурившие у дверей, встретили нападавших со шпагами в руках и ценой своих жизней задержали их, позволив королеве спастись бегством. Утром 6 октября, когда невыспавшийся король с супругой и сыном вышли в сопровождении Лафайета на балкон, то увидели на пиках головы двух защитников королевы. Король был вынужден объявить, что, идя навстречу парижанам, он с семьей возвращается в столицу.

Солдаты отставили ружья в сторону, офицеры смешались с народом, люди обнимались друг с другом, спешно выслав вперед, в Париж, пики с насаженными на них окровавленными головами. В два часа пополудни большие золоченые ворота замка распахнулись, и гигантская коляска с упряжкой из шести лошадей навсегда увезла из Версаля по тряской дороге короля, королеву и всю королевскую семью. Вечером того же дня Лафайет доставил королевскую семью сначала в Ратушу, а затем в Тюильри.

* * *

История Версаля как королевской резиденции на этом заканчивается. Колоссальный Версаль был оставлен за считанные часы; в прекрасном дворце, на протяжении ста лет являвшемся центром мира, воцарилась гнетущая тишина. Вдоль анфилад, с шумом отворяя и захлопывая двери, разгуливали сквозняки; шелушилась живопись плафонов, тускнели

зеркала... Но каждые четверть часа в этой огромной пустоте чуть слышался далекий, постепенно замирающий звук флейты и арф: то продолжали жить оставшиеся в комнате королевы часы; своей нежной песенкой они отмеряли в покинутом королевском жилище каждый час революционной эпохи.

Что касается королевской семьи, то Революция ее не пощадила. Если сначала разгневанный народ требовал возвращения королевской семьи в Париж, то в дальнейшем этого оказалось недостаточно. Революция требует жертв и требует их непременно. 21 января 1793 года взшел на эшафот Людовик XVI, 16 октября того же года на той же площади Революции, прежней площади Людовика XV и нынешней площади Согласия, была гильотинирована Мария-Антуанетта...

Версаль после Революции

В годы Революции Версаль пребывал в запустении. Новая страница в его истории была связана с именем Наполеона Бонапарта, пришедшего к власти в 1799 году в качестве первого консула, а в 1804 году провозгласившего себя императором французов. В 1805 году император отреставрировал и оставил Трианон для своей матери, сестры Полины и для самого себя, а затем продолжил работы в главном дворце, отделка которого не была доведена до конца. После женитьбы на австрийской эрцгерцогине Марии-Луизе и рождения сына Наполеон вознамерился обосноваться в Версале. В 1811–1812 годах он набросал расположение покоев и заказал материю для обивки. Однако война и поражение в ней помешали ему исполнить этот замысел.

Брат казненного Людовика XVI, Людовик XVIII Бурбон, пришедший к власти в 1814 году, также хотел продолжить политику Наполеона по восстановлению Версаля. Он возобновил работы, по-новому определил

назначение покоев, заказал обивки, картины и дверные карнизы. 1 июля 1814 года было принято решение о выделении кредита в 6 млн франков. Однако проект так и не был доведен до конца, и спустя шесть лет работы прекратились. Окончательно были отделаны лишь покои герцога Ангулемского и его супруги¹, которые, впрочем, их так и не заняли. Карл X, ставший королем в 1824 году, Версалем не занимался, и лишь король Луи-Филипп принялся тратить на превращение Версаля в музей свои время и деньги.

Луи-Филипп, герцог Орлеанский, представитель младшей ветви династии Бурбонов, пришел к власти в ходе Июльской революции 1830 года, ознаменовавшей установление во Франции режима Июльской монархии (1830–1848). Луи-Филипп не любил следовать примеру предшественников. В противоположность Наполеону и Людовику XVIII он постоянно подчеркивал, что не хотел делать своей резиденцией дворец Людовика XIV. Двор он обустроил в Тюильри. Версаль же должен был стать музеем французской истории.

Луи-Филипп вовсе не желал, чтобы его именовали «королем баррикад», имея в виду

---

¹ Мария Тереза Шарлотта Французская (1778–1851) *Madame Royale* (старшая дочь короля), герцогиня Ангулемская — дочь короля Людовика XVI и Марии-Антуанетты, единственный оставшийся в живых ребенок королевской четы. Луи-Шарль, так и не правивший Людовик XVII, умер в 1795 году.

обстоятельства его прихода к власти. Напротив, его политика была направлена на примирение старой и новой, постреволюционной Франции. Король пытался доказать, что он не узурпатор трона, «похитивший» корону у малолетнего герцога Бордоского, внука Карла X, а достойный преемник великих французских королей прошлых эпох. Кроме того, Луи-Филипп, сам не желавший воевать и даже получивший прозвище «Наполеона мира», старался польстить национальному тщеславию прославлением французских военных подвигов былых столетий.

Решение заняться Версалем Луи-Филипп принял в 1833 году после того, как Палата депутатов отказалась выделить ему 18 млн франков для соединения дворца Тюильри с Лувром. Король надеялся, что реконструкция Версаля обойдется дешевле, но ошибся: на этот проект он потратил 23,5 млн франков.

Превращая Версаль в музей, Луи-Филипп заботился о прославлении французской нации. Для начала он распорядился перенести из Дома Инвалидов в Версаль изображения маршалов Франции и устроить там портретную галерею, а затем продолжил переустройство Версальского дворца, превратив его в исторический и военный музей. Здесь была устроена живописная Галерея Сражений, для которой французские художники, в том числе художник-баталист Орас Верне, написали 33 изображения самых знаменитых битв, в которых участвовали французские войска, —

от битвы франков с аллеманами при Толбиаке в 496 году до битвы французов с австрийцами при Ваграме в 1809 году. Эта галерея была призвана создать и укрепить представление о национальной общности французов. Изображенных на этих полотнах вождей и главнокомандующих, от средневековых королей до Людовика XIV и революционных генералов, объединяла одна идея: все они приумножали величие Франции. Таким образом, конституционная королевская власть Луи-Филиппа символически выражала свое отношение к месту, бывшему средоточием королевской власти при Старом порядке.

Официальное открытие Версальского музея состоялось 10 июня 1837 года и было приурочено к женитьбе наследного принца, герцога Фердинанда Орлеанского на немецкой принцессе Елене Мекленбург-Шверинской. Луи-Филипп усматривал в этом глубокий политический смысл.

Король пригласил полторы тысячи гостей на роскошный обед, сервированный в Зеркальной галерее, а затем на театральное представление: только эти торжества обошлись ему в 300 тыс. франков. Он желал, чтобы все происходило в обстановке полнейшей гласности: все парижские журналисты получили приглашение в Версаль, поэтому большинство гостей составляла пресса. Луи-Филипп прекрасно понимал, какие услуги могли оказать ему журналисты, соединив в сознании общества женитьбу наследного принца и основание

династии с даром, который король приносил нации, возвращая ей отреставрированный его стараниями дворец Людовика XIV.

Журналисты и писатели оправдали надежды короля. Французская писательница Дельфина де Жирарден, еженедельно с 1836 по 1848 годы публиковавшая очерки в газете «Пресса», в фельетоне от 21 июня 1837 года прославляла спасение дворца и отвечала брюзгам, которые сочли вид дворца жалким: «...мало того, что нам дарят новый Версаль, нам еще и возвращают Версаль Людовика XIV; крысы и депутаты грозили разрушить дворец великого короля, но Луи-Филипп его спас. Разумеется, досадно видеть дубовые стены в этом храме славы, которому пристало быть выстроенным только из мрамора; разумеется, этот приют маршалов уступает великолепием старинным золоченым залам, но кто в этом виноват? Не наш король, а наш век; мы не оставляем нашим королям времени на то, чтобы возводить дворцы из мрамора, мы не даем им денег на то, чтобы покрыть стены этих дворцов позолотой. Сегодняшний Версаль свидетельствует не о щедрости монарха, а о его умении экономить...»

Свои наблюдения об этом событии оставил и другой современник событий, великий писатель Виктор Гюго: «То, что Луи-Филипп сделал в Версале, достойно восхищения. Поступить так — значит выказать себя великим королем и беспристрастным философом; превратить монархический памятник

в памятник национальный; вложить в огромное здание огромную идею; соединить прошлое с настоящим».

Открытие Версаля вызвало огромный интерес не только у журналистов, но в целом среди публики. По свидетельству российского общественного деятеля Н. И. Греча, посетившего музей через две недели после его открытия, «народ так и валил валом в Версаль», вследствие чего версальский омнибус «был набит людьми всякого звания, возраста и пола».

Со 2 декабря 1833 года по 10 декабря 1847 года Луи-Филипп побывал в Версале 398 раз. Однако он ни разу не оставался там на ночь и к вечеру непременно уезжал в Париж или Сен-Клу. Единственным местом, где он считал возможным остановиться, был Малый Трианон, ставший летней резиденцией герцога Орлеанского и его супруги. Парадные залы дворца Людовика XIV предназначались исключительно для музея.

* * *

С Версалем связано множество знаковых событий французской и мировой истории. Так, в XVIII веке королевская резиденция стала местом подписания многих международных договоров, в том числе договора, завершившего Войну за независимость США (1783). В 1789 году в Версале была принята Декларация прав человека и гражданина. В ходе франко-прусской войны с 5 октября 1870 по 13 марта 1871 года Версаль был

резиденцией Главного штаба немецкой армии. 18 января 1871 года в Зеркальной галерее была провозглашена Германская империя, а ее кайзером — Вильгельм I. Это место было умышленно подобрано немцами, чтобы унижить французов. 26 февраля, снова в Зеркальной галерее, были сформулированы унижительные для Франции условия предварительного мирного договора. В марте эвакуировавшееся французское правительство переместило столицу из Бордо в Версаль, и лишь потом снова в Париж.

С франко-прусской войной и непосредственно Версалем связан один интересный факт. Именно в годы этой войны елка стала общенациональным символом рождественского праздника в Германии. В 1870–1871 годы немецкие военачальники установили елки в полевых лагерях и лазаретах для поддержания боевого духа солдат. В переоборудованном под лазарет Версальском дворце елку украсили новейшим на тот день изобретением: стеклянными шарами. После того, как об этом сообщили газеты, обычай наряжать елку стал обязательным для каждого немецкого бюргера. С этого времени ведет свой отсчет в общенациональных масштабах традиция наряжать елку игрушками из стекла. Изобрели этот вид украшения стеклодувы немецкого города Лауша. И сделали это от бедности. Елки в Лауше на момент франко-прусской войны ставили уже тридцатый год подряд, но украшать их стеклодувами было нечем.

Поэтому вместо настоящих орехов и яблок они вешали стеклянные. Идея понравилась американцам. С производителями в Лауше заключил экспортный договор торговый концерн «Woolworth», и вскоре стеклянные шары получили известность во всем мире.

Прошло менее полувека, и Зеркальная галерея, где разносились крики в честь создания Германской империи, стала свидетельницей ее краха. История обожает такие повороты на сто восемьдесят градусов: итоги Первой мировой войны были также подведены в Версале. Именно в Зеркальной галерее было заключено предварительное перемирие, а затем подписан унижительный для немцев Версальский мирный договор.

После Второй мировой войны Версальский дворец стал местом франко-немецкого примирения. Об этом свидетельствуют празднества по поводу 40-летнего юбилея подписания Елисейского договора, состоявшиеся в 2003 году.

В 1952 году правительство Французской республики выделило на реставрацию 5 млрд франков и обратилось к меценатам. Вся Франция начала сбор денег на восстановление дворца, от самых богатых людей до обычных граждан. Постепенно в Версаль вернулись все ценности.

В 1950-е годы родилась традиция: каждый посещавший Францию глава государства должен был встретиться с президентом Франции именно в Версальском дворце. Лишь

в середине 1990-х встречи начали переносить в Париж. В 1960-х годах был полностью восстановлен Большой Трианон.

В 1995 году правительство Франции объявило о создании Государственного учреждения Национальное достояние дворец-музей Версаль. Это обеспечило Версалью финансовую автономию и статус юридического лица. В 1979 году Версаль был включен в Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, а с 2001 года входит в Ассоциацию европейских королевских резиденций. А многочасовая очередь, бесконечной цепочкой растянувшаяся на площади перед Версальским дворцом, совершенно не отпугивает туристов. Они знают, что их ждет встреча с настоящим чудом, созданным руками людей, объединенных волей великого короля — Людовика XIV.

Заключение

«В его царствование свершались великие дела, и эти великие дела вершил он сам», — такой итог правлению короля Людовика XIV подвел великий Вольтер. «Он не был одним из величайших людей, но, конечно, был одним из величайших королей, когда-либо царствовавших», — так написал спустя почти столетие Александр Дюма.

Он был королем Франции семьдесят два года, а его личное правление после смерти кардинала Мазарини составило пятьдесят четыре года и вошло в историю как Золотой век, Век Людовика XIV или даже Великий век, а сам он как Король-Солнце и Людовик XIV Великий. При этом, говоря словами Дюма, «являясь человеком между людьми, он был более великим, нежели он казался, когда его сделали богом между богами».

Вершивший судьбы самого населенного, самого богатого и самого могущественного государства в Европе, Людовик XIV наряду с Наполеоном Бонапартом и Шарлем де Голлем неизменно входит в тройку лидеров французского Пантеона национальной

памяти. Они положили конец усобицам, воссоздали государство, восстановили (или навязали) общественное согласие и единство страны, предотвратив открытую или неявную гражданскую войну и смуту. В целом, они сделали Францию более великой, и идея величия Франции — это ключевой момент, их объединяющий.

Наряду с этим, Людовик XIV, вместе с Наполеоном Бонапартом и Шарлем де Голлем, является одним из самых неоднозначных героев французской истории. «Черная легенда» о Людовике XIV была жива еще в середине XX века, и понадобилось почти три столетия, чтобы царствование Короля-Солнце прошло путь от мифологии к истории. И как ни вспомнить слова Шарля де Голля, сказанные им о Наполеоне Бонапарте уже после своей отставки в беседе с Андре Мальро. Размышляя о годах революционного и наполеоновского лихолетья и подчеркивая, что все неисчислимы жертвы в глазах французов были компенсированы славой, которой их покрыл Наполеон, самый великий француз XX столетия отметил: «Он оставил Францию меньшей, чем он ее нашел, это так... Но это как с Версалем: его надо было создавать. Нельзя торговать величием».

Людовику XIV удалось распространить на всю Европу исключительное влияние французской культуры, а его главным творением стал Версаль, сердце Франции, символ ее величия и ее цивилизации. Там король жил,

выставленный на всеобщее обозрение, как человек под стеклянным колпаком, доступный взорам всех своих подданных. Однако корона стала для него не только украшением, но и бременем...

* * *

Менялись короли, менялись эпохи... Революционные бури, захлестнувшие Францию в XVIII–XIX столетиях, вымели из массового сознания идею монархии, и уже с конца XIX века в стране укрепилась республиканская форма правления. Но Версаль остается Версалем. Не только символом величия королевской власти, но и человеческого величия: великого короля Людовика XIV и великих творцов, по его замыслу создававших этот шедевр — олицетворение красоты, гармонии и человеческого гения. Но Версаль — это и предостережение: однажды дворец может превратиться в клетку, пусть и золотую...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ардашев П. Н.* Абсолютная монархия на Западе / Предисл. Н. И. Кареева и И. В. Лучицкого. Изд. 2-е. М.: URSS, Ленанд, 2014.
- Дюма А.* Людовик XIV и его век / Пер. с фр. М.: Издательство АЛЬФА-КНИГА, 2011.
- Борисов Ю. В.* Дипломатия Людовика XIV. М.: Международные отношения, 1991.
- Борисов Ю. В.* Фаворитки Людовика XIV // Новая и новейшая история. 1991. № 4.
- Блюш Ф.* Людовик XIV / Пер. с фр. М.: Ладомир, 1998.
- Бовыкин Д. Ю., Чудинов А. В.* Французская революция. М.: Альпина нон-фикшн, 2020.
- Ленотр Ж.* Повседневная жизнь Версаля при королях. М.: Молодая гвардия, 2003.
- Митфорд Н.* Франция. Придворная жизнь в эпоху абсолютизма. Смоленск: Русич, 2003.
- Птифис Ж.-К.* Людовик XIV. Слава и испытания. СПб.: Евразия, 2008.
- Птифис Ж.-К.* Железная маска. Между историей и легендой. М.: Молодая гвардия, 2008.
- Рыжов К.* Все монархи мира. Западная Европа. М.: Вече, 1999.
- Сен-Симон Л.* Мемуары. 1691–1701: в 3 кн. / Подг. М. В. Добродеева и др. М.: Наука, Ладомир, 2007.

- Черкасов П. П.* Правители Франции XVII–XVIII века. М.: Ломоносовъ, 2018.
- Черкасов П. П.* Первые лица Франции: от Генриха IV до Эммануэля Макрона. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2019.
- Французские короли и императоры. Серия «Исторические силуэты» / Пер. с нем. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.
- Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972). М.: Едиториал УРСС, 2005.
- Bély L.* Louis XIV: le plus grand roi du monde. Paris: Gisserot, 2005.
- Bély L.* Les secrets de Louis XIV. Paris: Tallandier, 2013.
- Vergé-Franceschi M., Moretti A.* Une histoire érotique de Versailles (1661–1789). Paris: Payot, 2015.
- Gueniffey P.* Napoléon et de Gaulle. Deux héros français. Paris: Perrin, 2017.
- Petitfils J.-C.* Louis XIV. Paris: Tallandier, 2001. Т. 1–2. 2002.
- Petitfils J.-C.* (éd.). Le Siècle de Louis XIV. Paris: Perrin, 2017.

СОДЕРЖАНИЕ

Богоданный младенец	5
Начало самостоятельного правления Людовика XIV	24
Праздник в Во-ле-Виконт	35
Рождение Версаля	42
Король Этикет	63
Королевские фаворитки	77
Жизнь за пределами Версаля	99
Войны	112
Трое за одиннадцать месяцев	125
Король умер! Да здравствует король! ...	133
Версаль Людовика XV.....	144
Последний король в Версале: Людовик XVI	160
Версаль и Революция	167
Версаль после Революции	175
Заключение	184
Список литературы	187

Минимальные системные требования определяются соответствующими требованиями программ Adobe Reader версии не ниже 11-й либо Adobe Digital Editions версии не ниже 4.5 для платформ Windows, Mac OS, Android и iOS; экран 10"

Научное электронное издание

Серия «Parvus libellus»

Таньшина Наталия Петровна

ЛЮДОВИК XIV

Золотая клетка Версаля

Директор издательства *В. В. Чубарь*
Выпускающий редактор *Л. А. Галаганова*
Технический редактор *О. В. Новикова*
Подготовка издания *В. Ю. Трофимов*

Подписано к использованию 20.06.25
Формат 10,0×17,0 см
Гарнитура PT Sans

ООО «Издательство «Евразия»
197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н
Тел.: (812) 602-08-24
Сайт: <https://eurasiabooks.com/>
Эл. почта: eurasiaeditors@gmail.com

Электронное издание данной книги подготовлено
Агентством электронных изданий «Интермедиатор»
Сайт: <https://www.intermediator.ru>
Телефон: (495) 587-74-81
Эл. почта: info@intermediator.ru

Людовик XIV, вершивший судьбы самого населенного, богатого и могущественного государства в Европе, наряду с Наполеоном Бонапартом и Шарлем де Голлем неизменно входит в тройку лидеров французского Пантеона национальной памяти, являясь вместе с ними одним из самых неоднозначных героев французской истории. Его царствование продолжалось семьдесят два года, а личное правление после смерти кардинала Мазарини — пятьдесят четыре года и вошло в историю под названием Золотой век, Век Людовика XIV или даже Великий век, а сам он — как Король-Солнце и Людовик XIV Великий. Ему удалось распространить на всю Европу исключительное влияние французской культуры и цивилизации, а его главным творением стал Версаль — сердце Франции, символ величия королевской власти и человеческого гения. Там король жил, выставленный на всеобщее обозрение, как человек под стеклянным колпаком, доступный взорам всех своих подданных. Но Версаль — это и предостережение: однажды дворец может превратиться в клетку, пусть и золотую...